

Никого над нами

Василий Головачев

Возвращайтесь живыми!

«ЭКСМО»

2011

Головачев В. В.

Возвращайтесь живыми! / В. В. Головачев — «Эксмо»,
2011 — (Никого над нами)

ISBN 978-5-699-48119-4

Они называли себя Поводырями – инопланетяне-рептилоиды, поставившие своей целью полное порабощение человечества. Но Роману Волкову и его соратникам по организации «Триэн» удалось провести несколько удачных операций, резко ограничивших влияние Поводырей на Землю вообще и Россию в частности. Ответ не заставил себя ждать. И если раньше инопланетяне пытались уничтожать противников в открытом противостоянии, то теперь берут на вооружение самые грязные методы – похищения, шантаж, подкуп. В опасности оказываются все: руководители «Триэн», сам Роман, его близкие и друзья. Но борьба не прекращается. Слишком велика цена поражения, слишком многое поставлено на карту.

ISBN 978-5-699-48119-4

© Головачев В. В., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Соловей-Разбойник	5
1	5
2	10
3	15
4	21
5	27
6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Василий Головачев

Возвращайтесь живыми!

Соловей-Разбойник

1

На Земле его называли бы двуногим крокодилом. Он и выглядел как очеловеченный крокодил – Великий Владыка Галактики, Генералиссимус Ассоциации Поводырей, известный под именем Лорикат. Настоящее же его имя, состоящее из двадцати восьми созвучий-морфем, знали только эббары – Владыки-наместники Первого ранга, определяющие под руководством Лориката политику Ассоциации.

У него был диапсидный череп – с двумя височными дугами, как у динозавров Земли и клювоголовых, но смягчённый овальными обводами, как у людей. И лицо у Лориката в значительной степени походило на человеческое, несмотря на вытянутые крокодильи челюсти. Кожа Великого Владыки по всему телу была покрыта роговыми щитками, но лицо было почти гладким, зеленовато-серым, на котором выделялись прозрачно-зелёные узкие выпуклые глаза с вертикальным зрачком. Как и все земноводные своего вида, он носил свободные плащи и накидки, призванные укрыть остеодермы на груди и на спине – костные пластины, образующие своеобразный панцирь.

Сто одиннадцатого сола второй темпады, что соответствовало первому января две тысячи семнадцатого года по земному календарю, Лорикат созвал всегалактический конклав эббаров, чтобы обсудить состояние дел и определить конкретные планы для некоторых наместников в отдельно взятых звёздных системах.

Конклавы в последнее время собирались редко. Дела Ассоциации шли неважно, из многих систем Поводыри были изгнаны, а в тех, где они ещё имели какое-то влияние, шли бурные процессы освобождения от «пастухов». Особенно сильно эти процессы проявились на гуманоидных мирах, в том числе на планете под названием Земля, вращавшейся вокруг ординарной жёлтой звезды Солнце на периферии одного из звёздных рукавов Галактики.

Происшедшие там события – гибель одного из Поводырей и бегство другого, да ещё не простого Поводыря – Владыки! – и заставили Лориката созвать *судбище*. Надо было разобратся в причинах сбоя, наказать виновных и произвести необходимые замены.

В Ассоциации числилось сто сорок звёздных систем, «порядок» на которых поддерживался Поводырями. Почти все они входили в Элитный Звёздный Пояс, окружавший центральную чёрную дыру Галактики. На периферии, то есть в Первом и Втором Звёздных Поясах, располагались всего тринадцать систем. Не потому, что цивилизаций в отдалении от центра, на окраинах Галактики, было мало, а вследствие того, что окраинные звёздные системы контролировались другой Ассоциацией – гуманоидных разумных Союзов. Методы Поводырей они считали недопустимыми и резко реагировали на попытки Ассоциации Поводырей распространить своё влияние на все ветви Галактики, вплоть до военных конфликтов, в которых всегда побеждали. А поскольку Солнечная система и Земля располагались на периферии, в десяти тысячах световых лет от галактического ядра, тем более важно было сохранить там почти установленный Поводырями порядок вещей.

Главная база Ассоциации – Адам (так её название звучало на эсперанто) вращалась вокруг чёрной дыры, не привязанная ни к одной из звёзд. Да этого и не требовалось. Плотность звёзд в пространстве галактического ядра была такой, что небосвод на имевшихся у

звёзд планетах никогда не был тёмным. Небо здесь ночью было почти таким же ярким, как и днём. Именно по этой причине цивилизации ядра и зародились не на поверхности планет, а в глубинах морей и океанов. Именно поэтому носителями разума ядерных цивилизаций преимущественно являлись рептилии, земноводные, амфибии и морские млекопитающие, реже – рыбы, ещё реже – змеи.

Адам представлял собой вязь сверкающих под лучами близких звёзд конструкций, соединявшихся в ажурное извивающееся «змеиное» тело, которое обнимало центральный шар, усеянный длинными шипами, отчего шар напоминал земного ежа. Размеры базы – по земным меркам – впечатляли: диаметр шара достигал сотни километров, диаметр «змеино» кольца – более тысячи. Отдельные секции кольца, нанизанные на транспортный тоннель, являлись модулями, создающими внутри себя все параметры материнской планеты, где родились эббары: нужную плотность и состав атмосферы и гидросферы, температуру, силу тяжести, фауну и флору. Все эти характеристики постоянно поддерживала компьютерика комплекса, хотя владельцы модулей, точнее – их пользователи, появлялись на Адаме редко, в основном когда собирались тематические конференции или всеобщие конклавы.

В модуле рептилоидов, управляющих Землёй, сто одиннадцатого пола царил уныние. Главный Поводырь человечества, известный на Земле под именем знаменитого дирижёра Калкаманова Фирдоуза Адольфовича, отсутствовал, так как находился в модуле следственного изолятора – за бегство с Земли во время схватки с одним земным экзором, владеющим мощной силой пси-воздействия. Теперь Владыку Калкаманова ждала печальная участь – ссылка на периферийные миры Ассоциации либо заключение в фантом-зоне на долгое время. Поступок его трусостью никто называть не решался, однако руководить другими эббарами на Земле он уже не имел права.

Зато ликовал (не выдавая чувств) заместитель земного Владыки, которого на Земле знали под именем Дэвида Глюкка, лидера британской партии «Демократические защитники меньшинств». Провалу Владыки Калкаманова он не способствовал (хотя всегда желал ему этого), решение о проникновении в недра лемурийской Колыбели Владыка принимал самостоятельно, и теперь главным претендентом на пост Генерального координатора Поводырей Человечества являлся именно Глюкк, в реальности – тоже рептилоид, но из другой видовой группы. Его предками были амфибии из рода саламандровых – стегоцефалы, если сравнивать их с земными прототипами.

Конечно, ему могли поставить в вину сложившуюся ситуацию в России – почти единственному независимому государству на Земле, сопротивлявшемуся воле Поводырей. Однако Глюкк, носивший кличку Лейборист, не контактировал с погибшим Поводырем Кочевником, занимавшим в России пост министра образования и науки, и формально к событиям в России прямого отношения не имел, так что Лейборист рассчитывал на повышение не зря.

Конклавы никогда не собирались в одном зале. Современная техника связи позволяла собирать зал виртуально, так что каждый участник совещания мог видеть «соседей» и всех вместе, кто принимал участие в сходке.

Центральный «подиум» занимал председатель собрания Великий Владыка, облачённый в пурпурно-золотой хитон с дымящимися на груди и на плечах чашевидными монархаймами; на Земле их называли бы кадилами. В руке с когтистыми пальцами он держал императорский скипетр, острый конец которого светился изнутри.

Все знали, что кроме обозначения символа власти скипетр Владыки Владык ещё являлся и оружием, способным остановить любое живое существо.

Дэвид Глюкк, сидя в креслованне, включил аппаратуру общей связи. Теперь он видел не только Великого, но и соседей по граничному признаку, и весь «зал», где виртуально собрались сотни эббаров Ассоциации. Все они могли общаться мысленно, обладая мощными психоэнер-

гетическими запасами, но на синклитах было принято общаться в аудиодиапазоне, и Великий Владыка начал речь на галактическом эсперанто.

Он поздравил членов Ассоциации с двухтысячелетним юбилеем её основания, затем дал слово директору статистического управления, который ознакомил собравшихся с положением дел в Галактике. После этого дежурный комиссар Контроля начал разбирать конфликтные ситуации, возникшие в той или иной системе.

Очередь до земной делегации дошла через пять декасолов, когда собрание уже дважды прерывалось на отдых и его участники перестали реагировать на поощрения или осуждения Великим Владыкой деятельности эббаров.

Слово взял бывший Генеральный координатор Поводырей Человечества, внезапно появившийся в своём модуле почему-то под личиной человека, которого изображал на Земле. Он был уверен в себе, бесстрастен и собран. По рядам слушателей прошелестел шепоток. Все ждали от него коленопреклонённой позы, раскаяния и клятв, что он всё исправит. Однако Калкаманов начал не со слов раскаяния, а с анализа обстановки на Земле, умело добавляя по ходу повествования пункты, преувеличивающие его роль в процессе воздействия на политические течения, религиозные эгрегоры и глобальную психоматрицу планеты. Из речи Владыки выходило, что если бы не его руководство эббарами-наместниками земного круга, гуманоиды этой планеты не подчинились бы внешнему управлению и не стали бы «дойным стадом» к началу двадцать первого века по местному летоисчислению, как это почти произошло в реальности. Неудачи же процесса следовало списать на высокомерное поведение некоторых Поводырей, возмнивших себя главными «сеятелями свободы, равенства и братства».

О своих ошибках и позорном бегстве с Земли во время сражения с русским экзором на озере Байкал Калкаманов докладывать не стал.

Зато о них заговорил комиссар Судной палаты Ассоциации. Он резко опроверг заявления Поводыря «об успехах» его деятельности, отметил многочисленные срывы планов, особенно в отношении «оглупления» самого непокорного государства Земли – России, и предложил судить Владыку по самым жёстким законам Ассоциации.

– По моим сведениям, – добавил комиссар, рептилоид из редкого отряда батрахозавров (лягушкоящеров), кривя узкие губы на всю длину челюсти, – Владыка Азз-Си-Шихх (так коротко можно было воспроизвести родовое имя Владыки) собирался использовать связи Поводыря Кочевника для ввода сына в Круг Избранных, что является отягчающим обстоятельством для суда и следствия.

И Калкаманов-Владыка сник, вдруг сделав вывод, что его возвращение на Землю в качестве Генерального Поводыря невозможно.

Поддержал его только Глюкк-Лейборист, да и то формально, чтобы никто не смог упрекнуть его, во-первых, в ничегонеделанье, во-вторых, в равнодушии к старшему по чину, бывшему начальнику. Возможно, только благодаря этому шагу его и избрали исполняющим обязанности Владыки в Солнечной системе. Преемников объявилось множество, всем хотелось завладеть лакомым куском – богатым наследием древних разумников на Земле, включая лемуридов, а главное – управлять столь богатым «стадом», каким являлось человечество. Однако никто не владел ситуацией так, как Глюкк-Лейборист, и никто так убедительно не «бил себя коленом в грудь», доказывая, что он справится со своей миссией.

После избрания нового Владыки Калкаманова отправили обратно в СИЗО, а Глюкка привели к присяге на верность принципам Ассоциации, главным из которых был: разделяй и властвуй!

Сто двенадцатого сола, после торжественного ужина с Великим Владыкой Лейборист созвал в модуле земного представительства своих коллег и помощников, сбросивших личины гуманоидов и представших пред очами нового главного земного Поводыря в истинном облике рептилий и амфибий. Модуль превратился в подобие ресторана, пользователи которого

плескались в своих креслованнах, ели и пили из специальной посуды, висящей в воздухе, и танцевали на ребристой платформе эйдостении либо в общем бассейне, заполненном восхитительной возбуждающей смесью воды и углеводородных, серноангидридных и метановых соединений.

После многочисленных алковозлияний и поздравлений Лейборист неожиданно прервал церемонию посвящения в новый сан и предложил всем Поводырям земного клана собраться в деловой зоне модуля. Он знал, что этот жест не обрадует присутствующих, но был уверен, что произведёт на них соответствующее впечатление. Все должны были почувствовать «новую метлу», как говорили на Земле, а главное – проникнуться рабочим духом. Отныне даже друзья не имели возможности расслабляться, особенно в своих кантонах на Земле, и служить ему если не верой и правдой, то хотя бы из страха наказания.

План работы он подготовил заранее.

Двадцать два Поводыря и почти столько же сотрудников аппарата Владыки (что он ИО – никто не заикался) торопливо переоделись и собрались в центральной ротонде модуля, которую недавно занимал Азз-Си-Шихх.

Интерьер ротонды мог меняться в зависимости от настроения и желаний владельца, поэтому Лейборист его изменил. Если раньше здесь царил полумрак, а стены изображали болотистый пейзаж Толизиразы, родины Азз-Си-Шихха, то сейчас собравшиеся оказались внутри сверкающей мешанины геометрически правильных и готически выстроенных конструкций, изображавшей пейзаж Алькуц – планеты Лейбориста.

Поводыри, почти все – земноводные, кроме руководителя службы безопасности, он был наполовину землянином, выжидательно посмотрели на Владыку.

Тот шевельнул пальцем, и перед собравшимися вырос прозрачный конус оценщика психики. Почти невидимая вуаль оценщика мазнула зал ротонды раз, другой, свернулась. Над головами Поводырей замигали звёзды – в основном жёлтые и розовые, что говорило о почти поголовном принятии Поводырями нового Владыки.

Тело Лейбориста изменилось, превратилось в человеческое. На собравшихся надменно, важно, с долей высокомерной иронии смотрел Дэвид Питер Глюкк, глава британской партии «Демократические защитники меньшинств».

Все поспешно привели в действие маскиры, превратившие рептилоидов в людей.

Со стороны могло показаться, что в ротонде сидят представители земного человечества, которых невозможно было отличить от настоящих людей.

– Начинается новая эра в нашей работе, – заговорил Глюкк по-английски. – Если кому-то не захочется напрягаться, милости прошу на выход. Смена Владыки не означает смену курса, однако мы будем действовать решительней, особенно в России. Недаром земляне говорят: тот, кто управляет Россией, – управляет миром!

– Но там сейчас нет наместника, – пробормотал советник прежнего Владыки по России рептилиоморф Августин.

– Его место пока займёт зам – Метельский.

– Метельский – землянин...

– По духу этот человек уже совсем не человек, побольше бы таких помощников. Поработает на благо Ассоциации, пока будем искать ему замену.

Августин хотел сказать, что он согласен взять на себя обязанности российского Поводыря, но Лейборист перебил его:

– Давайте послушаем, что предлагается сделать в ближайшее время, а после поговорим о кандидатурах. Учтите, нам придётся действовать с оглядкой на конкурирующую структуру.

Все поняли, о чём зашла речь.

Ассоциация гуманоидных цивилизаций – УРРА имела очень хорошую разведку и могла в любой момент преподнести неприятный сюрприз – потребовать собрать Арбитражный Трибунал. И тогда участь Поводыря, допустившего промах, была незавидной.

В сияющем конусе высотой в два роста каждого из присутствующих протаяла чёрная фигура фантом-атташе. Он зачитал список первоочередных задач, которые предстояло решить свите нового Владыки на Земле. Всего пунктов насчитывалось более сотни. Ожидалось, что России будет уделено больше внимания, так как именно в этой стране споткнулись и российский Поводырь Кочевник, и земной Владыка Азз-Си-Шихх. Но список российского мониторинга состоял всего из двух пунктов.

Первым пунктом шла ликвидация русского экзора Волкова, бросившего вызов самому Владыке.

Вторым – расконсервация базы лемуридов на Байкале.

В остальном дела в России для тайной «пятой колонны» шли неплохо. Несмотря на то что Россия могла запросто обойтись и без Востока, и без Запада, план прежнего Поводыря по её оккупации был почти осуществлён. Агентуре АПГ удалось включить механизм самоуничтожения русской нации, миллионы русских начали спиваться, молодёжь пристрастилась к наркотикам, женщины почти перестали рожать. По сути начался процесс вымирания нации, либо замалчиваемый государственными СМИ, либо осмеиваемый ими. Параллельно этому процессу был запущен другой – механизм дебилизации, помешательства на деньгах и удовольствиях. Так что Лейбористу было не в чем упрекнуть прежнего российского Поводыря, действительно сумевшего добиться многого.

Впрочем, работа в России не обозначалась как главная в деятельности Поводырей на Земле. У них хватало и других забот.

Надо было построить базу Ассоциации в Белоруссии, под Брестом, перенести основные базы с Луны на спутники Юпитера и Сатурна, окончательно замести следы пребывания Поводырей на Луне, довести до ума «оранжевую революцию», точнее «революцию свиста» в Казахстане, сменить режимы в Северной Корее, Индии, Пакистане, Иране и Украине, и так далее, и тому подобное.

Досталось всем. Новый Владыка требовал усиления активности Поводырей, и возразить ему было нечем. Генералиссимус Ассоциации тоже настаивал на ускорении «сброса» непокорных и завершении стадии глобальной «стерилизации» планеты от слишком умных и знающих аборигенов.

После распределения заданий между конкретными Поводырями Лейборист отпустил большинство эббаров, оставив только особо приближённых: Макдональдса, Скотовода и Охотника. Затем пригласил «группу удовольствия» – из соотечественников и соотечественниц и предался с коллегами «отдыху», каковой они насаждали и на Земле.

Длилась оргия больше двух четвертей сола. Лишь сто четырнадцатого сола Лейборист смог открыть глаза, протрезветь и настроиться на рабочий лад.

На Землю он отправился сто пятнадцатого сола, что соответствовало первому сентября две тысячи семнадцатого года.

2

Отчёт о действиях подчинённой ему группы спецназа полковник Михеев написал сразу же после возвращения с озера Байкал, в конце августа.

Разобраться в том, что, собственно, произошло на борту теплохода «Метрополия», являвшегося базой для глубоководных аппаратов «Мир-1» и «Мир-2», было трудно даже посвящённому, поэтому Михеев надеялся, что его объяснения поверят, хотя и готовился к худшему – к проверке и последующим оргвыводам. Но – не со стороны служебных инстанций ФСБ и её внутренней службы собственной безопасности, а со стороны другой организации, которой он боялся куда больше – «Триэн». Только там, по его мнению, могли узнать, что он завербован эмиссарами АПГ и работает на Поводырей. В данном случае – на российского Поводыря по кличке Кочевник, который был известен в мире под именем министра образования и науки Фурсенюка.

Сначала он был воодушевлён раскрывающимися перспективами сотрудничества с пришельцами (смейтесь, кому смешно), поскольку ему обрисовали такое захватывающее дух будущее, какое не снилось ни одному полковнику земных спецслужб. И начиналось всё прекрасно: он получил доступ к секретной информации АПГ, стал контролировать внутренние структуры ФСБ России, добился власти, купил коттедж и виллу в Италии. Однако события на Байкале показали, что не всё так просто, что существует система, противостоящая АПГ, которая называется «Триэн» и является не только неким символом свободы и независимости, но реально борется с силами Ассоциации, а главное – может организовывать секретные операции не хуже ФСБ и той же Ассоциации. Во всяком случае, сбой подготовленной акции по ликвидации лемурийской Колыбели на дне Байкала хорошо продемонстрировал возможности «Триэн». И Михеев задумался, не пора ли ему покинуть растревоженный муравейник, которым стала российская Федеральная служба безопасности.

Первого сентября он вышел на работу с твёрдым намерением уволиться, а если не получится – бежать за границу.

В десять часов утра его вызвал к себе начальник оперативного Управления генерал Звошкин.

Михеев инстинктивно почувствовал некое неприятие вызова. Зашемило сердце. Экстрасенсом он не был, однако хорошо «нюхал» негативные токи, потянувшиеся к его персоне. К тому же он понимал, что после всего случившегося на Байкале и особенно после захвата группой Афанасия Вьюгина тела Фурсенюка к нему у руководства найдутся дополнительные вопросы. Но разработчики алиби из числа помощников Фурсенюка обещали ему нормальное функционирование, а главное – просчитали способы бегства за рубеж, и он им поверил. В сущности, возможности свободного перемещения по стране и за её пределами у Михеева оставались, стоило только дать команду кому следует. В любой момент он мог сменить фамилию, паспорт, трансформировать внешность и воспользоваться одним из каналов, какими уже пользовался не раз.

Что касается семьи, то она его волновала мало. Жену он не любил, детей тоже, привязанности к ним не ощущал и о будущем не беспокоился.

На всякий случай он позвонил деятелю АПГ в посольстве Англии и попросил наметить «план Б».

– Когда? – спросили его.

– Сегодня, – ответил он.

– Больше по этому номеру не звоните, – сказали ему. – Мы сами вас найдём.

– Хорошо, – согласился он и отправился к начальнику Управления, взяв с собой двух оперативников, капитана Семера и лейтенанта Голышева. Оба негласно опекали его, играя роль телохранителей, хотя абсолютно не имели понятия, кем на самом деле является полковник.

Не увидев в приёмной генерала каких-либо людей, Михеев успокоился.

– Кто у него? – кивнул он на дверь кабинета.

– Игорь Дмитриевич один, – ответил адъютант Зворыкина, спокойный, уравновешенный капитан Невельской; у него были цепкие серые глаза и ёжик светлых волос. – Проходите, Михаил Васильевич.

– Ждите, – посмотрел Михеев на сопровождавших его парней.

Расправил плечи, поправил галстук, сдержал желание повернуть обратно, вошёл в кабинет начальника Управления, небольшой, но кажущийся просторным, так как в нём не было ни шкафов, ни книжных полок, ни какой-либо другой мебели кроме двух столов, составленных буквой Т. Лишь по стенам были развешаны стенды с наградами Зворыкина: до службы в «конторе» он был великолепным стендовым стрелком, неоднократным чемпионом Москвы, России, Европы и мира.

– Садитесь, – бросил генерал, плотный, крепкий, похожий на адъютанта точно таким же ёжиком волос, но больше уверенностью и внутренней силой. – Сейчас подойдёт один человек и начнём.

За дверью, в приёмной, что-то бахнуло, словно со стола упал графин с водой.

Михеев подтянулся, помедлил, глянул на дверь.

– Может, я в другой раз зайду?

– Садитесь, – повторил генерал, продолжая писать. – Петя сегодня с утра роняет вещи.

– И всё же я зайду... – Михеев споткнулся.

Зворыкин оторвался от своего занятия, поднял голову. Глаза у него были такие же серые, как и у Невельского, и стыла в них такая мрачная угроза, что Михеев невольно сделал шаг назад.

Открылась дверь, в кабинете появился мужчина в строгом тёмно-синем костюме, без галстука.

Михеев хорошо знал его, это был заместитель начальника Управления «Т» Войнович, получивший среди сотрудников службы прозвище Профессор. Он бросил взгляд на Михеева, но не поздоровался, перевёл глаза на Зворыкина.

– Всё подтвердилось, Игорь Дмитриевич.

– Понятно.

Оба с одинаковым выражением *жалости* посмотрели на полковника.

– Сами расскажете, Михаил Васильевич, как всё было? – начал Зворыкин. – Или предпочитаете выслушать доказательную базу?

– К-какую базу? – заикнулся Михеев, покрываясь потом. Во рту пересохло, голос стал хрупким. Он уже всё понял, но всё-таки надеялся, что ошибается.

– О чём вы, товарищ генерал?

Войнович сел за второй стол, упиравшийся в генеральский торцом, достал из непонятно откуда появившейся папки какие-то бумаги и фотографии.

– О своей роли в истории на Байкале, – сказал он. – И обо всём остальном.

– Я всё написал в докладной...

– Не будьте идиотом, полковник, – поморщился Войнович. – Мы не дети. Кто и где вас завербовал?

Михеев покачал головой, лихорадочно соображая, что делать, оглянулся на дверь.

– Они не помогут, – спокойно сказал Зворыкин.

Полковник дёрнулся к двери, но остановился, потому что дверь приоткрылась и в кабинет заглянул адъютант генерала. Изучающе глянул на побледневшего Михеева, закрыл дверь.

Михеев обернулся. Оба генерала молча смотрели на него, не делая никаких движений. Они были так уверены в себе и в правильности своей позиции, что не приходилось сомневаться: они *знают*, с кем связан подчинённый.

– Будем беседовать как нормальные люди или вы предпочитаете другие варианты? – спросил Зворыкин.

– Я... вас... не понимаю...

Генерал нажал клавишу селектора:

– Петя, пусть войдёт.

Дверь открылась, в кабинет вошёл Афанасий Вьюгин.

Несколько минут они смотрели друг на друга: полковник бригады спецопераций и начальник Центра психофизических исследований. Потом Афанасий стиснул зубы, явно сдерживая какое-то слово, и отвернулся.

– Слушаю, товарищ генерал.

– Присаживайся, рассказывай.

Вьюгин сел напротив Войновича.

– Погибли пять человек. Двое из нашей группы, трое – ваши. По вине этого человека... с позволения сказать. Если бы я знал раньше...

– Оставьте лирику, полковник.

– Полковник Михеев завербован.

– Доказательства?

Вьюгин достал из кармашка серебристую «конфетку» флешки, передал Войновичу.

– Здесь всё.

Тот повертел флешку в пальцах, протянул Зворыкину.

– Я уже изучил.

Генерал воткнул «конфетку» в гнездо компьютера под столом, внимательно прочитал текст предложенных документов, проглядел фотографии, поднял глаза на Войновича:

– Вы следили за ним?

– Да.

– С какого времени?

– С момента высадки на Байкале.

– Мне дадут слово? – спросил Михеев в пространство, продолжая стоять с независимым видом.

Все трое посмотрели на него.

– Собственно, вами будут заниматься другие службы, – сказал Зворыкин ровным голосом. – У меня к вам всего два вопроса: когда вас завербовали и кто?

– У вас есть доказательства?

– Уже только один этот вопрос – доказательство, – проворчал Вьюгин.

– Есть, – сказал Зворыкин, переключая что-то на клавиатуре. – Смотрите.

На стене кабинета вспыхнул световой квадрат, превратился в экран. По нему поползли строки текста.

Михеев впился в них глазами.

Когда текст сменили фотографии, сделанные контрразведчиками «Триэн», он побледнел. На последних фотографиях полковник был запечатлён вместе с министром образования и науки Фурсенюком и его заместителем Метельским.

– Это... подстава...

Зворыкин усмехнулся:

– Водички дать?

– Кто вам дал эти материалы?

– Я, – сказал Вьюгин, с интересом наблюдая за Михеевым.

– Ты не мог этого знать...

– Я – нет, но есть другие люди, они тебя просканировали. Жаль, что мы вычислили тебя позже, сука, чем следовало.

– Спокойнее, Афанасий Дмитриевич, – сдвинул брови Войнович.

– Итак, полковник, не слышу ответа, – напомнил Зворыкин.

– Я ни в чём не виноват! Никто меня не вербовал! Я служил отечеству, не прячась за чужими спинами! У меня шесть наград...

Ладонь Зворыкина звонко треснула по столешнице.

Михеев вздрогнул, сбился, замолчал. Лицо его покраснело, на лбу выступили крупные капли пота.

– Парокссизм гиперподавления! – быстро произнёс Выюгин. – Я предупреждал, ему встроили «самоликвид».

– Молчать, полковник! – прошипел Войнович, поднося ко рту браслет мобильного айкома. – Васин!

С Михеевым между тем продолжалась метаморфоза.

Он стал синеть, задыхаться, взялся рукой за горло, пошатнулся.

– Ч-чёрт! – привстал Зворыкин. – Сделайте что-нибудь!

– Сейчас, – сказал Войнович.

В кабинет вбежали двое мужчин в белых халатах, блондин и небритый брюнет. Блондин разворачивал на ходу чёрный чемоданчик, вытаскивая из него чашки на присосках, провода и блестящие сеточки. Брюнет с ходу воткнул в шею Михеева пневмошприц.

Пшикнуло.

Полковник охнул и осел на пол, закатывая глаза.

– Помогите, – попросил блондин.

Войнович и Выюгин подскочили к упавшему, перевернули его на спину, брюнет расстегнул у него рубашку, прицепил на грудь чашки с присосками и сеточки, достал два чёрных рупора величиной с ладонь, с ручками, приставил к груди.

– Разряд!

Рупоры окутались сеточкой синих искр, раздался треск.

Тело Михеева свела судорога.

Брюнет сделал ему ещё один укол в шею, надел наушники, приложил к груди полковника сеточку с проводом.

– Ещё? – спросил блондин.

– Голова.

Блондин пристроил овалы рупоров к вискам Михеева.

– Не убейте, – проворчал Войнович.

Пальцы блондина пробежали по клавиатуре прибора.

Овалы покрылись «шубой» голубых искр, но уже значительно слабее, чем в первый раз.

Треск разряда был еле слышен.

Голова Михеева дёрнулась, глаза открылись, почти полностью заполненные белками.

– Норма, – сказал первый, снимая наушники. – Полная блокада.

– Забирайте.

В кабинет вбежали ещё двое парней в белых халатах, вкатили тележку, уложили Михеева и увезли.

– Куда вы его? – остановил Зворыкин уходящего последним блондина.

Тот посмотрел на Войновича.

– Пока в реанимакамеру, – сказал заместитель начальника Управления «Т», делая понятный жест – вали, мол. – Будем выводить из комы. Программу «эсэл» мы стёрли, выдержал бы гипоталамус.

– Хорошо, – кивнул Зворыкин.

Все вышли.

– Возьми своих «слухачей», проверь медцентр, – сказал Войнович. – На всякий случай.

Потом просканируйте этого парня.

Вьюгин кивнул, повернулся к Зворыкину:

– Разрешите идти, товарищ генерал?

– Иди.

Начальник Центра изучения психофизических феноменов удалился вслед за бригадой медиков.

– Что с ним? – спросил Зворыкин, занимая своё место; он имел в виду Михеева.

– Сработала команда самоликвидации, – ответил Войнович. – Нынче всем забугорным агентам встраивают такие программы на случай провала. Попробуем нейтрализовать.

– Ты хотел мне рассказать, на кого он работает.

– Боюсь, ты неверишь.

Зворыкин усмехнулся, помял лицо ладонью.

– Ты мне мозги не компостируй, Профессор. С одной стороны, я вообще разучился верить кому бы то ни было, с другой, готов верить в самую разнузданную галиматью. Особенно после того, как мы получили тело Фурсенюка.

Он имел в виду вскрытие тела бывшего министра образования и науки, доставленного в лабораторию ФСБ.

– Тогда готовься услышать такую галиматью.

Войнович вытащил из нагрудного карманчика ещё одну флешку и протянул генералу.

3

Шехерезада оказалась отличной женой. Несмотря на занятость – она продолжала работать у Малахова секретаршей, – ей хватало времени и на то, чтобы приготовить Афанасию завтрак, обед и ужин, и сходить с ним в театр или в кино, и сделать рейд по продуктовым магазинам, и с нетерпением ждать его с работы, если он возвращался домой поздно.

Уже в который раз Афанасий просыпался по утрам – даже не с мыслью – с ощущением: насколько же ему повезло с этой женщиной, красивой, умной, терпеливой и любящей! Иногда закрадывались сомнения, не преувеличивает ли он? Нет, не преувеличивает! – решительно пресёк сомнения внутренний собеседник. Тогда, может быть, такое везение – к будущей беде? – робко пытался он рассуждать о причинах своего счастья. Настроение портилось на некоторое время, однако он справлялся с этим негативом, успешно отгоняя «неправильные» предчувствия, и, просыпаясь рядом с Шехерезадой (Шехой, как называл её отец), настраивал себя на то, что всё у них будет хорошо.

Пока помогало.

Пятого сентября, после того как он попытался с экстрасенсами группы «быстрого психирования» просканировать мыслесферу полковника Михеева, его вызвал к себе Малахов.

На встречу с координатором «Триэн» Вьюгин поехал с женой, благо им было по пути.

– Не забудь, сегодня вечером идём к Толевицам, – сказала Шехерезада, когда они вышли из машины.

– Помню, день рождения как-никак, – улыбнулся Афанасий. – Ты покупаешь торт и конфеты, я шампань и коньяк.

– Я куплю всё сама.

– Ты моя прелесть. – Он потянулся к ней.

– Ведите себя прилично, полковник, – сухо сказала Шехерезада, отстраняясь. – Вы не дома.

Афанасий засмеялся, спрятал руки за спину и пропустил жену вперёд. Они поднялись на крылечко, открыли дверь офиса АНЭР – российской Ассоциации экстрасенсов, которую возглавлял координатор «Триэн» Олег Харитонович Малахов.

Охраны офис Ассоциации как бы не имел вовсе, не было даже сторожа на входе. Но Афанасий знал, насколько ложно это впечатление, и зашёл в кабинет директора АНЭР как к себе домой, оставив Шехерезаду в приёмной.

К своему удивлению, он застал в кабинете целую компанию. Вокруг стола сидели четверо гостей, не считая самого хозяина: координатор-стратег Тамерлан, отец Шехерезады, Играев, доктор медицинских наук, Грибов, начальник контрразведки, и неизвестная Афанасию женщина средних лет, с лицом учительницы математики. На ней был строгий тёмно-серый костюм, длинная юбка до щиколоток, чёрные туфельки. Шею прикрывал полупрозрачный шарфик. Волосы у неё были собраны в пучок на затылке, в них сверкали серебряные пряди, но она, судя по всему, и не стремилась их скрыть.

– Подсаживайся, Афанасий Дмитриевич, – сказал Малахов добросердечно. – Мы тут уже час заседаем, решили тебя подключить. Захарию Салахетдиновича, Геннадия Евгеньевича и Василия Тимофеевича ты уже знаешь, а это Софья Денисовна. В её ведении зарубежные связи.

Афанасий коротко поклонился, сел напротив женщины, смущённый её оценивающим умным взглядом.

– Повторим кое-какие детали, – продолжил Малахов. – С Михеевым всё ясно, жить будет и, возможно, даст показания. А вот тело Фурсенюка направили в Томскую лабораторию напрасно.

– Принимал решение не я, – сказал Афанасий.

– Знаю, Георгий Евсеевич поторопился, теперь в вашем ведомстве начнётся внеземная лихорадка. Если, конечно, агентура АПГ не выкрадет тело.

– Не дадим, – тихо сказал Грибов, небольшого роста, белобрысый, незаметный, как и все представители его профессии.

– Это уже не имеет значения, биологи «конторы» небось уже с ума посходили, рассмотрев тело рептилоида. – Олег Харитонович глянул на Вьюгина: – Так, полковник?

– Не знаю, – нехотя сказал Афанасий. – Но слухи по коридорам поползли.

– Пусть ползут, – заговорил Играев, толстенький, лысый, улыбчивый, чисто детский доктор с виду. Хотя на самом деле Афанасий знал его как «зубра» психолингвистики и гипноза.

– Общественность воспринимает это как фантазии романистов, – добавил Грибов. – Действительно пора всем знать правду, кто нами управляет.

– Не нами, – поправил его Играев.

– Я имею в виду цивилизацию в целом.

Психолингвист улыбнулся.

– Как говорил кто-то с экрана, в шутку, разумеется: будущее нашей страны принадлежит детям, и мы даже знаем фамилии этих детей.

– По-английски это звучит резче, – заметил Малахов.

– К счастью, мы не говорим на английском. Английский язык вообще есть нечто нетрадиционное, аморфное, ущербное, язык – бастард. Британию во все времена не насиловали только ленивые. Этим занимались и скандинавы-викинги, и германские племена, голландский Вильгельм Оранский, нормандский Кромвель, испанцы, поляки, римляне, византийцы. Оттого и больше трети английского языка – чужеродная иноформная примесь, а сам он жалок, как калека.

– Тем не менее на нём болтает почти вся Америка и значительная часть Европы, не считая бывших островных колоний британцев, – заметил рассеянно Тамерлан.

– Что говорит лишь об исключительной агрессивности его носителей, – отрезал Играев. – Какую вещь способен породить англичанин или американец? Комиксы, боевики, триллеры, поп, рок, панк, всё то, что выражается рефлексией убийства и разрушения. Разве не так? Во всех традициях, даже самых иезуитских и скотоводческих, кровь связывалась и даже отождествлялась с Духом, являлась вместилищем Души. Лить кровь божьего дитя – человека и даже простой божьей твари – это выпускать Дух, это уход в Ничто. Средний американец благодаря Поводырям уже живой труп, но эта зараза американская, а точнее атлантическая, пандемией охватывает весь мир. И к нам подбирается.

Софья Денисовна с любопытством посмотрела на раскрасневшегося Играева.

– Что это на вас нашло, Геннадий Евгеньевич? Такое впечатление, что американцы отдавили вам мозоль. Или вы готовите речь для общественной палаты Думы?

Играев смущённо улыбнулся:

– Извините, наболело. Лечил тут одного из наших разведчиков, он понарасказывал страшные вещи.

– Ну, про российскую действительность тоже можно рассказать много чудовищного, а лучше почитать статистику, – проворчал Тамерлан, поглядывая на зятя.

Афанасий с ним встречался редко, однако не потому, что побаивался, а в силу обстоятельств: Захария Салахетдинович практически всегда был занят делами.

– Читал я статистику, – вздохнул Играев.

– Что касается языка, – добавила Софья Денисовна, – то хотя бы в этом плане мы переигрываем британцев и американцев, потому что наш язык намного богаче, вариативнее и гибче.

– Пока. Если пройдут предложения, направленные на «улучшение» языка, мы скатимся на их уровень.

– Ты имеешь в виду отказ от букв «й» и «ё»?

- Уже появляются призывы убрать твёрдый знак.
- Это было при прошлом министре образования, – уточнил Малахов.
- Неизвестно, кто станет его преемником.
- Скорее всего зам, Метельский. Пока он и.о.
- Грибов едва слышно рассмеялся.
- Присутствующие посмотрели на него.
- Прошу прощения, – согнал он улыбку с губ. – Вспомнил анекдот про американский суперкомпьютер, вышедший из строя при попытке перевести русский диалог:
 - Ты будешь отмечать старый Новый год?
 - Да нет, наверное.
- Играев и Софья Денисовна хмыкнули совершенно идентично: анекдот был старый.
- Мы отвлеклись, – встрепенулся Малахов, глянул на Афанасия: – Полковник, тебе предстоит поездка в Казахстан. Одобрение Георгия Евсеевича получено.
 - Слушаю, – подобрался Вьюгин.
 - Телевизор смотришь?
 - В Казахстане назревает «оранжевая революция».
 - Точнее, «революция свиста», в отличие от «цветочных» и «цветных».
 - Первая случилась, кажется, в Украине?
 - Если полистать историю, то первая «цветная» революция была инициирована ещё в тысяча семисотом году до нашей эры. Но это к слову. Трон клана Назарбаевых зашатался после его ухода, на место Нурсултана претендует клан Есеевых, глава которого является, по нашим данным, марионеткой казахского Поводыря. Они нашли способ выражения недовольства народных масс...
 - Свист!
 - Да, все решения правительства, Сената и Мажилиса освистываются, никому не дают возможности выступить. Но это фон, созданный для смены курса на интеграцию с Европой, а не с Россией. У тебя будет конкретное задание – вычислить предполагаемое место теракта и главных исполнителей.
- Афанасий скептически покачал головой:
 - Откуда известно, что готовится теракт?
 - Известно, – усмехнулся Грибов.
 - А-а... ясно. Когда?
 - Восьмого сентября противник Есеева Руссултан Кершанбаев, внук бывшего президента, будет выступать в Алма-Ате и Астане перед народом, и его попытаются убить.
 - Понял.
 - Надо предупредить.
 - Сделаем. Когда выезжать?
 - Согласуешь с начальством, но лучше всего завтра. Утром в Алма-Ату вылетает борт МЧС.
 - Разрешите выполнять?
 - Будь осторожен, сынок, – проговорил Тамерлан неожиданно. – Казахстан не Россия, изучи специфику, чтобы не проколоться на незнании местных обычаев. Дополнительную информацию получишь через Пронина.
 - Непременно, – пообещал Афанасий, коротко кивнул и вышел.
- Отец Шехерезады редко давал советы зятю, обладая замкнутым характером, но он имел право называть его сынком или дружкой, как уже бывало.
 - Что так быстро? – полюбопытствовала Шехерезада, перебиравшая на столе какие-то бумаги.

Афанасий воровато оглянулся на дверь кабинета, подбежал к жене, поцеловал в губы и тут же отстранился, пряча руки за спину.

– Увы, уважаемая сударыня, вынужден откланяться.

– Ты... сумасшедший! – выдохнула Шехерезада, в то время как глаза девушки буквально просияли.

– Что взять с грубияна-полковника? – пожал он плечами, делая «дурацкое» лицо. – Кстати, завтра я улетаю.

– Куда? – огорчилась она.

– Это секрет государственной важности. В Алма-Ату, если уж говорить прямо.

– Надолго?

– Примерно на неделю. Будешь ждать?

– Дурачок! – надула губки Шехерезада.

Он засмеялся, помахал ей рукой, с лёгким сердцем направляясь к выходу.

– Вечером заеду, в шесть, готовься.

Афанасий вышел.

Девушка закрыла глаза, улыбаясь сама себе, чувствуя себя счастливой, но селектор издал звон, и она очнулась.

– Слушаю, Олег Харитонович.

– Шехонька, сделай нам три чая и два кофе со сливками.

Она засуетилась возле кофемашины, быстро приготовила кофе и чай, нагроутила поднос-тележку и вкатила в кабинет.

– Благодарствую, – с удовлетворением взял в руки чашку Играев. – Во рту пересохло.

Остальные разобрали оставшиеся чашки, взяли за орехи и печенье.

– Теперь о главном, – сказал Малахов, отпивая глоток чая. – Вася, что у тебя?

– За Волковым скоро начнётся охота, – сказал Грибов. – Его надо поберечь.

– И так было понятно, что нашего экзора надо беречь, – ворчливо сказал Играев. – У него колоссальный потенциал! Я с ним работал, это феномен, хотя сам ещё не ощущает своей силы.

– Откуда сведения? – спросил Тамерлан. – Про охоту?

Грибов посмотрел на Софью Денисовну.

– В Англии активизировался некто Дэвид Глюкк, – сказала женщина, – лидер партии «Демократические защитники меньшинств», призывает к походу на восток. Его очень беспокоят наши сибирские просторы.

– Что же это они всяких Глюкков так беспокоят? – усмехнулся Малахов. – Эта огромная, великая и священная территория дана нашему народу-земледельцу, хранителю северных традиций, для защиты и охраны последней линии обороны Севера. Недаром ещё Серафим Саровский говорил: «Русь – она есть подножие престола Господня!» Извини, Софья, что перебил.

– Мы знаем, что главный Поводырь земной группировки АПГ ушёл с должности после бегства с теплохода «Метрополия» на Байкале, его место должен занять другой ставленник Ассоциации, и по всем оценкам Глюкк и есть новый Владыка. В его окружении вдруг заговорили об экстрасенсах, представляющих угрозу человечеству, и что один из русских экстрасенсов наиболее опасен. Выводы сделайте сами.

– Речь идёт о Волкове.

– Он под защитой особой группы, – сказал Малахов. – Но будем иметь в виду.

– Что собой представляет господин Глюкк? – поинтересовался Играев.

– По официальным данным, родился в Бакингомшуре в семье банкира. Мать – голландка, отец – наполовину русский. Прадедом Дэвида был известный русский юрист конца девятнадцатого века, обер-прокурор Первого департамента Правительствующего Сената Паисий Калецкий.

– Любопытно.

– Это даёт ему право посещать Россию как родину предков. Точнее, может объяснить его интерес к России.

– Он бывал здесь?

– Дважды в Санкт-Петербурге, дважды в Екатеринбурге.

– С Калкамановым он не был связан? – хмыкнул Играев.

– Встречался не единожды.

– Тогда он вполне может стать его преемником.

Тамерлан и Малахов переглянулись.

– Мы анализируем такую возможность. Он получил диплом Кембриджа – изучал археологию и социальную антропологию.

– Профессиональный интерес, надо полагать? – фыркнул психоллингвист. – Если он рептилоид, выбор научной области не случаен.

– Возможно, до поступления в университет он ещё не являлся агентом АПГ, и все устремления и цели ставил настоящий Глюкк. Кстати, он с удовольствием играл в студенческом театре, занимался спортом – был капитаном теннисной команды.

– Сплошные таланты, – иронически скривил губы Играев.

– После Кембриджа он продолжил обучение в Миннесоте и в Европейском колледже в Брюгге. Маниакально любит плавание, хотя никто никогда не видел его в бассейне или на море.

– Почему маниакально?

– Не пропускает ни одного соревнования по плаванию, ездит на все чемпионаты Европы и мира.

– Ещё одно косвенное доказательство того, что он рептилоид. Хотя главную опасность для цивилизации представляют не маньяки, размножающиеся в потребительском обществе как черви в гниющем мясе, а элита, подводящая под этот процесс идеологическую платформу. Кстати, господин Глюкк и входит в элиту.

– Разумеется.

– Он женат?

– С будущей женой познакомился в Брюгге – с испанкой Дюрани, но потом развёлся. Женщинами не увлекается. Пробовал себя в журналистике, служил в Еврокомиссии, курировал программы помощи республикам Средней Азии, бывал в Киргизии, в Туркменистане, в Украине. Представляете связи?

В кабинете стало тихо.

– Это он! – после паузы уверенно проговорила Софья Денисовна. – Слишком много специфических выездов за границу, да ещё в те страны, где случались «оранжевые» и прочие революции. За ним нужно установить наблюдение.

– Для этого мы и готовим спецгруппу в Британию, – сказал Тамерлан. – А кандидатура на пост главного Поводыря действительно хорошая. Хотя надо бы и к другим присмотреться.

– Мы присматриваемся, – кивнула Софья Денисовна. – В поле изучения все властные структуры всех государств без исключения. Уже составлен список, в котором более двух сотен определённой направленности людей, проводящих исключительно вредную политику. В скором времени наш департамент даст им оценку.

– Работа с ними – только часть наших замыслов, – сказал Малахов. – Не менее важные задачи предстоит решить не только за рубежом, как в случае защиты телеканала «Викиликс», удачно зарекомендовавшего себя как часть антирептилоидной системы, но и дома. Во-первых, это Байкал. Обязательно надо довести исследование найденного на дне артефакта до конца. Затем – Луна. С помощью нашего модуля «Русь» можно попытаться изучить место гибели китайского лунника. Ясно, что тайконавты наткнулись на базу АПГ, иначе Поводыри не всполошились бы до такой степени, что даже попытались сбить «Русь». Неплохо было бы найти

доказательства их присутствия на Луне. Ну и, наконец, Рома Волков. Он – пока наша единственная надежда на победу в грядущей войне с нелюдьми.

– Только через него мы и сможем выйти на центр Ассоциации, – кивнул Тамерлан. – И попытаться снять с шеи человечества ярмо внешнего управления.

– Ну, до этого ещё далеко, – нахмурился Малахов. – Хотя планы строить нужно. Никогда не следует забывать наш девиз: никого над нами!

– Людьми, – закончила Софья Денисовна.

– Волкова же надо беречь как зеницу ока!

– Кто его охраняет сейчас? – спросил Играев.

– Первичная Ё-команда.

– Конкретно?

– Зачем это тебе? – удивился Грибов.

– Хотелось бы *посмотреть* на парней.

– Группа Кира Серебренникова.

– Кира я знаю, хороший спец. Надеюсь, и остальные подобраны со знанием дела?

– Я отвечаю, – сказал Грибов.

– Они должны быть научены защищаться от биоэнергетического нападения. Поводыри сами мощные пси-операторы, но у них кроме этого есть ещё излучатели, те же «колуны» и «глушаки».

– Зато у нас появились «зеркальные антиглазники», – напомнил Малахов. – Ты же сам принимал участие в их тестировании.

– Они пока не надёжны.

– Вот и помоги довести до ума. Будь спокоен, примем все необходимые меры. Благодарю, друзья, встретимся у Первого послезавтра. Здесь больше собираться не будем, за АНЭР ведётся наблюдение, контрразведка АПГ после провала на Байкале возбудилась до крайности.

– Я тебя провожу, – предложил Тамерлан, беря Софью Денисовну под локоток.

– Спасибо, – улыбнулась она. – Я еду обедать. Не хочешь со мной?

– Не откажусь.

– Вася, останься, – сказал Олег Харитонович.

Грибов снова сел за стол.

Тамерлан и Софья Денисовна вышли, вслед за ними Играев.

Малахов посмотрел на главу контрразведки.

– Вася, не нравится мне суетливость Евгеньевича. Он никогда раньше особо не интересовался охраной Волкова.

– Понял.

– Узнай, не случилось ли чего у него или в семье.

– Хорошо, Олег Харитонович.

– Но за Ромой Волковым пригляди.

Грибов кивнул и буквально испарился из кабинета. Он тоже был мощным пси-оператором, мог «отводить глаза», а главное – *видеть* намерения человека до того, как тот решится их реализовать. Потому в «Триэн» он и занимал пост начальника контрразведки, хотя до этого никогда такими делами не занимался. До прихода сюда он тихо-мирно учил детей *глубинному* спокойствию.

4

Счётчик топлива показывал ноль. Стрелочка счётчика скатилась за красную чёрточку, и грузовик мог остановиться в любой момент.

Шаповалов тупо уставился на счётчик, остановил машину на обочине, перед въездом в посёлок Паньково. Он работал дальнобойщиком, гонял фуры из Бреста в Варшаву, через польскую границу и обратно, доставляя то детали для автомашин, то бакалею, то продукты, и, в общем-то, не жаловался на судьбу. Но уже второй раз после пересечения границы в Бресте вдруг оказывалось, что бензина в баках кот наплакал, а причин этого странного явления Шаповалов найти не мог. Обычно он заправлялся «под завязку» ещё в Варшаве, чтобы можно было добраться до базы без остановок. И вот снова та же беда: баки пусты! Мало того, счётчик пройденного пути показывал больше трёхсот километров, в то время как от Варшавы до границы насчитывалось всегда чуть больше ста пятидесяти.

– Пиндос тебе в нос! – в сердцах проговорил Шаповалов, абсолютно не представляя, каким образом он намотал на спидометр лишние сто пятьдесят километров.

База располагалась в двадцати километрах от Бреста, в посёлке Жабинка, но доехать до него он не смог бы на остатках бензина. Пришлось тормозить попутку, брать канистру и ехать до ближайшей заправки, после чего снова ловить грузовик и добираться до оставленной в Паньково машины.

Продолжая размышлять над возникшей проблемой, Шаповалов наконец доехал до конечного пункта назначения, поставил фуру под разгрузку на территории базы – на этот раз он вёз бакалейные товары из Польши – и получил сердитый нагоняй приёмщика Степаныча.

Оказалось, он опоздал ровно на сутки!

– Не может быть! – пробормотал ошеломлённый Шаповалов, теребя чубчик на потном лбу. – Я выехал сегодня утром...

– Сегодня уже третье сентября! – взорвался приёмщик. – А ты должен был вернуться второго! Где сутки пропадал? Опять за своё взялся?

– Что значит – за своё? – не понял Шаповалов.

– От тебя за версту перегаром несёт!

– Да не пил я! – возмутился Шаповалов. – Уже год ни капли в рот не беру, с сердцем проблемы.

– А месяц назад не то же самое говорил?

– Ничего я не... – Шаповалов осёкся.

Ровно месяц назад с ним произошла та же история, что и сегодня. Опоздал на сутки, а в баках фургона не было ни капли бензина.

– Иди отчитывайся Колян Колянычу, – продолжал Степаныч. – Объясняй, где был и что делал. Может, он и простит, а может, выгонит к чёртовой матери. Найти водилу на твоё место не проблема.

Шаповалов проглотил ком в горле и вышел из подсобки, не понимая ничего. Сутки в дороге он провести никак не мог, весь путь от Варшавы до Бреста занимал от силы три часа, плюс два часа на растаможку груза. Где он был остальное время, голова соображать отказывалась.

Колян Коляныч – директор базы Николай Мамчур выслушивать сбивчивые речи водителя не стал.

– Ещё раз случится такое – уволью, – пообещал он, олицетворяя собой новое поколение хозяйственников, молодых, энергичных и деловых. – А пока объявляю выговор. Заплатишь штраф в конце месяца – удержу из зарплаты.

– За что? – заикнулся Шаповалов.

– За сон на дороге, – пошутил Колян Коляныч. – Иди, работай. Завтра поедешь в Москву, повезёшь медикаменты.

– В Москву? – удивился Шаповалов. – Я же в Польшу еду.

– А чем тебе Москва хуже? Обратно повезёшь автозапчасти для грузовиков. Карту тебе уже выписали, возмёшь у Степаныча.

Сбитый с толку Шаповалов поплёлся в бухгалтерию, отчитался, потом оттуда на склад, продолжая размышлять о превратностях судьбы, потом вдруг вспомнил, что в Москве живёт его школьный приятель Афоня Вьюгин, и настроение улучшилось. Афоня работал в какой-то секретной конторе и вполне мог помочь разобраться в тайнах «сна на дороге», как выразился директор базы.

Четвёртого сентября Шаповалов простился с женой, с которой он так и не рискнул обсуждать своё суточное опоздание, проводил дочку в школу и выехал из Бреста, твёрдо решив нигде не останавливаться, кроме заправок и таможни.

В Москву он прибыл вечером пятого. Сдал груз, поставил фургон под погрузку на оптовой базе в Бибирево и позвонил Афоне.

К счастью, Вьюгин откликнулся незамедлительно, сразу узнав школьного приятеля:

– Вовка, ты? Привет! Вот уж не ожидал услышать. Откуда звонишь?

– Из Москвы, – заулыбался Шаповалов. – Не верил, что дозвонюсь.

– Мы только что вернулись с дня рождения, так что ты вовремя позвонил. Какими судьбами в столице?

– Пригнал колымагу за грузом, завтра обратно в Брест укачу. Хотелось бы встретиться, поболтать о том о сём. Минутку найдёшь? Есть проблема, а посоветоваться мне не с кем.

– Хорошо, что ты именно сегодня позвонил, завтра утром я улетаю. Сможешь ко мне приехать? Я живу на Карбышева, дом двенадцать.

– Смогу, а удобно?

– Чего ж тут неудобного? – засмеялся Афанасий. – Приезжай, вспомним детство, жена будет рада.

– Ты ж вроде был не женат.

– Это когда было? Всё течёт, всё меняется.

– Кто она?

– Приедешь, познакомлю.

Шаповалов быстренько собрался, доехал на маршрутке от общежития базы до метро «Бибирево», и без пяти минут десять появился к Вьюгину, не забыв по дороге купить розу и коробку конфет.

Дверь открыла красивая пышноволосая девушка в халатике, не скрывающем точёную фигурку.

– Здравсьте вам, – сказал Шаповалов; красота незнакомки ошеломила.

Из-за её спины выглянул Афанасий, одетый в спортивные штаны и футболку.

– Заходи, Володя. Это моя жена Шехерезада.

– Вова, – сказал Шаповалов, протягивая девушке цветок и конфеты.

Она засмеялась, отступила в прихожую.

– Проходи, проходи, – потянул хозяин гостя за рукав. – Ужинать будешь?

– Если чайку... – робко сказал Шаповалов.

– Будет и чаёк, но сначала рыбки жареной отведай, мой сосед с северных морей гольяна привёз на пять килограммов, а Шеха его пожарила, пальчики оближешь.

– Не хвали, – донеслось из кухни, – я вчера вечером жарила, сегодня уже не то.

Афанасий подмигнул гостю, увлёк в гостиную.

– Рассказывай, что у тебя случилось, пока Шеха будет накрывать на стол.

– В общем-то, ничего особенного, – смутился Шаповалов, пожалев, что заявился в гости с такими пустяками. Огляделся. В гостях у друга детства он был впервые. – В отличие от тебя я человек из народа.

– Ага, конечно, – саркастически подтвердил Афанасий. – А я, значит, из панов.

– Я хотел сказать, что мы институтов не заканчивали, поэтому я работаю простым водилой.

– Мне просто повезло поступить, так что ты мне зубы не заговаривай.

Шаповалов присел на диван, преодолел стеснение и поведал Афанасию историю с бензином и потерей времени размером в одни сутки.

– Да, ещё километраж, – вспомнил он. – В первый раз, месяц назад, я на спидометр не смотрел, а тут глянул: набралось больше трёхсот километров лишних.

– Интересный компот, – покачал головой Афанасий, разглядывая лицо приятеля. – Ты в самом деле не помнишь, где провёл сутки?

– Да ни хрена не помню! – Шаповалов прикусил язык, так как в гостиную заглянула хозяйка.

– Идёмте ужинать.

Стол был накрыт. На плите аппетитно шипела жареная рыба.

Шаповалов почувствовал голод, хотя до этого есть не хотел.

– Ты с нами? – спросил Афанасий жену.

– Нет, ты же знаешь, я после восьми не ем. К тому же мы уже поели в гостях. Позовёте на чай.

Шехерезада вышла.

– Выпьешь? – спросил Афанасий. – Могу предложить винца, водочки, коньячку.

– Нет! – испугался Шаповалов. – Завтра в рейс, не хочу рисковать.

– Тогда налегай, – поставил Афанасий перед гостем тарелку с рыбой. – В принципе я уже выпивал сегодня, на дне рождения у приятеля, вместе в институте учились, так что хватит. Вот салаты, маслинки, салыце, накладывай сам.

Они начали есть.

Шаповалов сначала стеснялся, потом осмелел.

– А где ты работаешь, в натуре? Ребята говорили, что будто бы в комитете.

– Каком комитете?

– ФСБ.

– Кто говорил?

– Витька Лоповок и Лёха Резник.

– Они-то откуда знают? – удивился Афанасий.

– У них спроси. А что – нет?

– Работаю.

– Шпионов ловишь?

– По шпионам у нас другие подразделения специализируются, я занимаюсь техническим снабжением и эзотерическим оснащением.

– Каким-каким оснащением?

– Научным, – пояснил Афанасий, отставляя тарелку. – Я думаю, как тебе помочь. Есть тут у меня один приятель... ты не возражаешь, если он тебя посмотрит?

– Нет, конечно. Он что, врач?

– Врач, врач, – улыбнулся Афанасий. – Он экстрасенс.

– Экстрасенс? – озадаченно протянул Шаповалов. – Никогда не общался с экстрасенсами. Что он может?

– Посмотрит на тебя дистанционно.

– Каким образом?

– Не бери в голову, это не больно. – Афанасий потыкал ногтем в сенсоры айкома, подо-
ждал. – Рома, привет! Ты где? Ага, понятно... тут, понимаешь, такой случай...

Он передал неведомому абоненту всё, что рассказал Шаповалов. Ответ потребовал вре-
мени.

– Понял, предупрежу, – обрадовался Афанасий. – Спасибо тебе. Прямо сейчас? Ладно,
через пять минут.

Вьюгин выключил телефон, посмотрел на Шаповалова.

– Сейчас он посмотрит. Сядь поудобней, расслабься.

– А где он, твой экстрасенс?

– В Выборге.

Шаповалов присвистнул, покачал головой:

– Это же тыща километров отсюда!

– Для пси-энергетики расстояния не имеют значения.

На кухню заглянула Шехерезада.

– Вы поели, мальчики?

– Подожди, сказочница, – сказал Афанасий. – Решим одну проблему, и я тебя позову.

Шаповалов откинулся на спинку стула, с недоверием глядя на друга детства.

– Что теперь?

– Ничего, сиди, жди.

– Жду.

В затылок дохнуло холодком.

Он замер, прислушался к своим ощущениям.

Холодок проник внутрь черепа, превратился в тысячи крошечных муравьёв, рыщущих
по мозговым извилинам в разных направлениях.

– Щекотно, – пробормотал Шаповалов, соловоя.

– Ничего, главное – не бойся, думай о том, что с тобой произошло.

«Муравьи» затоптали по клеткам мозга сильней.

– Ох ты!

– Можем прервать сеанс, – взялся Афанасий за телефон.

– Не надо, просто непривычно.

«Муравьи» продрались сквозь голову, растаяли, оставив ощущение лёгкой растревожен-
ности. Снова потянуло холодком.

– Приятно...

Зазвонил телефон.

Афанасий поднёс к уху браслет, не включая экранчик видеопередачи.

– Ну, что?

По мере того как ему что-то говорили, глаза Вьюгина открывались всё шире, и когда он
оглянулся на Шаповалова, они были полны удивления.

– Не может быть!

– Что? – поёжился Шаповалов, которому вдруг стало неуютно.

– Ага, доложу Харитонычу, – продолжил Афанасий. – Он примет решение. Я-то сам уле-
таю в Казахстан... ага, понял. Спасибо, Рома, ты настоящий друг!

Вьюгин опустил руку.

– Он говорит, что тебя использовали.

– Как использовали?! – не понял Шаповалов. – Кто?!

– Кто – надо разбираться, а как – в качестве водилы. Точнее, использовали твой транс-
порт, а тебя экзорнули.

– Что?

– Сглазили, ну, или запрограммировали. Потому ты и не помнишь, где был сутки и что делал. Потому и на спидометре остались «лишние» километры. Они просто забыли восстановить прежние цифры.

– Да кто, чёрт побери?!

Афанасий посерьёзней, понизил голос.

– Если он прав, а Рома практически не ошибается, в окрестностях Бреста действует группа пси-операторов, использующих местных водителей. Приедешь домой, расспроси своих приятелей с базы, других шоферов, кого знаешь, не случалось ли с ними того же, что и с тобой. Но сделай это тихо, не поднимая шума.

– Ничего не понимаю!

– Сделаешь?

– Конечно, постараюсь. Но зачем каким-то операм скрытно использовать водил?

– Не операм, а операторам. Мы знаем пока одну такую структуру, и она очень опасна. Боюсь, это именно её деятели наткнулись на тебя и решили привлечь к своим делам.

– Зачем? У них своих водил нет?

– Может, и не хватает. Надо тщательно расследовать это дело, изучить местность, людей вокруг тебя. Вполне вероятно, Поводы... э-э, плохие дяди решили что-то построить возле Бреста. Ты не слышал о какой-нибудь стройке?

– У нас постоянно кто-то что-то строит.

– Пспрашивай, только опять же осторожно, не началась ли вблизи от вашей базы стройка, о которой мало кто знает. И никому ни слова! Договорились?

– Пиндос им в нос! – в сердцах сказал Шаповалов. – Ты меня пугаешь. Что ж, мне теперь в Польшу не ездить?

– Езди, но будь внимателен, присматривайся ко всем несуразностям, замечай всё необычное, что случится в рейсе, и звони мне. Скорее всего к тебе в скором времени обратятся мои знакомые, от моего имени, помоги им.

– Чекисты? – криво усмехнулся Шаповалов.

– Чекисты, – без улыбки подтвердил Афанасий. – Договорились, дружище? Никому ни слова, даже жене.

– Да понял я. Вот понесла меня нелёгкая в Польшу!

– Польша здесь ни при чём. Шеха, заходи.

Впорхнула хозяйка, красивая до умопомрачения. И по взгляду Афанасия, брошенному на жену, Шаповалов понял, что его бывший однокашник влюблён в неё по уши.

Они посидели ещё полчаса за чаем, вспоминая смешные эпизоды из школьной жизни, общих знакомых и друзей, потом Афанасий проводил Шаповалова до метро.

– Помни наш уговор.

– Помню, – помрачнел Шаповалов. – Если бы ты мне подробнее объяснил, что за пиндосы вводят нас за нос.

– Не пиндосы, люди похуже, а точнее, нелюди. Но об этом тебе расскажут другие специалисты. Будь осторожен, Володя.

Они пожали друг другу руки, и Шаповалов уехал.

Афанасий в задумчивости вернулся домой.

– Что у вас произошло? – встретила его вопросом Шехерезада.

– В Бресте появились наши злейшие друзья, – уклонился он от прямого ответа.

– АПГ? – прищурилась девушка.

Он наморщил лоб, смущённо улыбнулся.

– Всё время забываю, что ты дочь Тамерлана. В общем, что-то странное там происходит, буду звонить твоему боссу, пусть пошлёт туда группу. И всё, пора ложиться спать, а то завтра рано вставать.

Шехерезада поняла, что муж не намерен развивать тему.

– Как ты думаешь, твоему другу понравилась моя стряпня?

– Он признался, что есть не хотел, а начал – оторваться не мог.

– Правда? – обрадовалась жена.

Афанасий засмеялся.

– Ты чего? – сдвинула она брови.

– Анекдот вспомнил. «Милая, почему ты нарезаешь хлеб кусками разного размера?» – «Ты же сам вчера говорил о разнообразии в еде».

– Ах, так? – Шехерезада набросилась на мужа с кулачками. – Значит, я, по-твоему, плохо готовлю? Умею только хлеб нарезать?

– Что ты, я этого не говорил, – со смехом начал он сопротивляться.

Их борьба закончилась поцелуем...

Уже укладываясь спать, Афанасий с сожалением подумал, что с отъездом в Казахстан его спокойная жизнь после байкальского инцидента заканчивается.

5

Жизнь в Выборге убаюкивала. И хотя Роман продолжал занятия по альфа-гипнозу, пусть и с другим специалистом по нейролингвистическому программированию, не с Играевым, всё же бытие оставалось пресным, а ему хотелось идти дальше, что-то делать важное, ставить высокие цели и добиваться результата.

С другой стороны, руководство «Триэн» его не тревожило, новых заданий не выдавало, ничего не спрашивало, и Роман терпел, подозревая, что его проверяют на терпение и выдержку.

Юна оказалась идеальной женой. Она встречала мужа с сияющими глазами, а провожала – с улыбкой *ожидания*, отчего Роману поначалу даже было неловко. Всё казалось, что он суше и черствее, чем подруга, не скрывающая своих чувств. Но потом привык и он – встречаться как после долгой разлуки, даже если прошёл всего один день друг без друга.

На занятия с мастером ФАГа по имени Сан Ваньч он ходил каждый день, с десяти утра до часу дня. Малахов предупредил Волкова (впрочем, теперь он был Шмельёвым), что его будут охранять, причём невидимо, ненавязчиво, на что Роман скептически ответил:

– Они, что же, и вправду невидимки?

– Нет, они обычные люди, но ты их не увидишь.

Однако Роману не составило труда выявить тех, кто ходил за ним в качестве телохранителей, и в конце концов он привык видеть за собой парней, действительно умевших не выделяться из толпы. «Невидимками» их Олег Харитонович назвал не зря.

Утром четвёртого сентября Роман встал в хорошем настроении.

Выглянуло солнце, потеплело, природа ожила, появилось предчувствие каких-то грядущих перемен, причём позитивных.

Это заметила и Юна.

– Что это ты улыбаешься с утра? – спросила она подозрительно, глядя на мужа, стоящего у окна. – Не нравится, как я одета?

На ней был один пеньюар.

– Мне всё нравится, одета ты или нет, – засмеялся он. – Просто день начался удачно: я только что носовым платком сбил на лету муху. Представляешь?

Юна фыркнула.

– Нашёл, чему радоваться.

– И я принял решение: надо куда-нибудь уехать.

– Куда?

– Хоть на край света.

– Зачем?

– Полечиться, отдохнуть.

– Ты заболел? – непритворно встревожилась девушка.

Роман снова засмеялся, привлёк её к себе.

– Было бы желание, а найти у себя болезнь не проблема. – Он начал одеваться.

– Ты же сам врач.

– Так что ж, врачи разве не болеют? Может, у меня какое-нибудь скрытое психическое заболевание. Может, я шопоголик.

– Да ладно тебе, – успокоилась Юна. – Уж кем-кем, а шопоголиком назвать тебя нельзя.

– Всё равно пора лечиться. Полетим на Гавайские острова?

– Что мы там не видели?

– Там живёт врач, лечащий всех по диагнозу, не встречаясь с пациентами.

– Как это?

– Он корректирует собственные мысли: адресует больным добрые слова, просит прощения за их страдания, после чего они перестают вести себя неадекватно. Это подтверждено научными экспертизами. Ну, не хочешь на Гавайи, полетели в Хорватию. Там в Загребе снимают патологическую зависимость совершать покупки. Среди пациентов в основном молодые девушки, как раз такие, как ты.

– Я тоже не шопоголик, – улыбнулась Юна.

– Хорошо, могу предложить Нью-Йорк. Там есть клиника, где наводят красоту, предлагая самые разные экзотические процедуры. Но это не для безразличных.

– Ты считаешь, мне нужно наводить красоту? – огорчилась девушка.

– Просто перечисляю места, – поднял он руки, – сочетающие отдых и лечение. Ты будешь отдыхать, я лечиться.

– Красоту наводить, – фыркнула Юна. – Волосы ты себе уже отрастил, хотя и седые, что на очереди?

– В смысле отрастить или в смысле лечить?

– В смысле лечить.

– Помешанность на сексе, – сказал он с преувеличенной серьёзностью.

– Да, это важно, – согласилась Юна. – Хотя я не заметила у тебя особой патологии.

– Просто я себя контролирую. Кстати, в Больцано, в Италии, лечат и от этого. Вот там основные пациенты – мужчины в возрасте от тридцати до сорока пяти лет. В том числе известные политики.

– Как раз для тебя, хотя ты и не политик.

– Думаешь, мне будет полезно полежать там пару месяцев? – Роман сделал озабоченное лицо.

– Лучше полгода, – поддержала она его.

Роман расхохотался, сбросил надетые наполовину брюки и отнёс жену в спальню.

На занятия к Сан Ванычу он в этот день опоздал.

Вечером они с женой снова заговорили о «медовой неделе», помечтав, куда можно было бы отправиться на отдых хотя бы на несколько дней.

– Я не был в Бразилии, – сказал Роман мечтательно, лёжа на диване в спортивных штанах. Шёл уже одиннадцатый час ночи, изучать эзотерическое наследие гиперборейцев, которым его снабдил Малахов, не хотелось, хотелось мечтать.

Юна забралась к нему на диван, уютно устроила на груди голову.

– А что в Бразилии?

– Песчаные дюны в Национальном парке, на северо-востоке Бразилии. Занимают полторы тысячи квадратных километров, очень красивые, тянутся вдоль береговой линии на семьдесят километров.

– Ты там был?

– Нет, по телику видел. Можно ещё в Мексику махнуть. Там есть пещера кристаллов огромных размеров. Высота самого большого достигает до одиннадцати метров, а вес – до шестидесяти тонн.

– Ого! Что это ещё за кристаллы такие?

– Из гипса. Можно было бы посмотреть на Большой Каньон в Аризоне с высоты птичьего полёта. Я в детстве смотрел фильм «Золото Маккенны», в котором показывали каньон. Очень сильное впечатление! Его длина около трёхсот пятидесяти километров, а глубина до двух.

– Я читала, каньон прорыла река Колорадо.

– Одно дело – читать, другое – увидеть собственными глазами.

– Зато я была на Камчатке, в долине гейзеров, и даже пролетала на вертолёте над вулканом.

– Когда? – удивился Роман. – Ты не рассказывала. Над каким вулканом? Ключевская сопка?

– Кроноцкий. Мы там с отцом искали древние пирамиды.

– Нашли?

– Две, но они почти полностью покрыты слоем лавы.

– Зачем вам пирамиды?

– Не нам, отец ведь начинал свою деятельность в «Триэн» как исследователь аномальных зон России. Кое-какие из них представляют следы древних цивилизаций, особенно остатки пирамид и тоннели. Но отыскиались и следы баз пришельцев.

Роман отодвинул головку Юны, всмотрелся в её лицо.

– Ты помогала отцу?

– И мама, и я. – Девушка улыбнулась. – Когда ещё в школе училась. А что в этом особенного?

– Ничего, просто я не предполагал, что ты посвящена в тайны Ковчега.

– Я не посвящена, но кое о чём наслышана. Папа давал читать рукописи, старинные тексты. Не бойся, я вас не выдам.

Роман рассмеялся. У него было легко на душе.

– Я не боюсь. Но тебе надо быть осторожней в общении с другими людьми, даже с подругами.

– У меня их и нет почти. Ты ведь меня защитишь?

Он прижал жену к себе крепче.

– Обязательно!

Зазвонил телефон.

– Слушаю, – сказал Роман в трубку немодного нынче айфона.

– Рома, привет, – послышался в трубке голос Афанасия Вьюгина. – Ты где?

– В Выборге, – лаконично ответил Роман.

– Ага, понятно. Тут, понимаешь, такой случай. Ко мне школьный друг приехал, Володя Шаповалов, он водителем на брестской базе ширпотреба работает...

Афанасий пересказал историю, пережитую Шаповаловым.

– Что скажешь?

– Посмотреть надо, – сказал Роман, отстраняя жену. – Предупреди его.

– Понял, предупрежу. Прямо сейчас?

– Минут через пять.

– Что случилось? – прошептала Юна.

– Интересный случай. Парень не помнит, где провёл сутки.

– С бодуна, что ли? – хихикнула жена, прижала ладошку ко рту. – Извини.

– Вроде бы нет.

– Что будешь делать?

– Посмотрю дистанционно.

– Как?

– Через Афанасия и так, непосредственно через ауру. Завари чайку свеженького.

Юна упорхнула на кухню.

Роман уселся поудобнее, настроился на выход из тела. Душа птицей рванулась в небо, распахнулась светлая даль, небо просияло голубизной, солнце – золотом. Он осмотрелся, поднимаясь всё выше и выше, определил направление, молнией проскочил до Москвы, нашёл дом и квартиру Афанасия.

Вьюгин проявился знакомым «цветком бледного лотоса», его собеседник по фамилии Шаповалов – разноцветным «куском мха».

Роман внимательно оглядел этот тающе-плывущий «мох» со всех сторон, осторожно раздвинул нити «мха», проник в «энергокактус» человека, сомневающегося в своей адекватности.

В голову ворвалась «толпа» шепотков и тихих голосков, создающих впечатление текущей реки.

Роман напрягся, отбиваясь от «мысленных речных струек», начал подсоединяться к каждой, ища нужные сведения.

Кто-то бросился на него из глубин «реки», злобный и агрессивный, как хищная рыба. Он с трудом увернулся, спешно наращивая «зубы» для обороны: это была программа защиты мыслительной деятельности Шаповалова, внедрённая в мозг неведомым ухищрением внешнего «программиста». Пришлось стать своеобразным «хакером», чтобы сразиться со «щукой» на равных. В конце концов Роман нейтрализовал программу и выбрался в более спокойную мысленную заводь, где кружились обрывки воспоминаний, впечатлений, ощущений и выполненных хозяином команд. Стало ясно, что Шаповалова использовали очень сильные пси-операторы, заставив помимо воли сделать дополнительный рейс из Бреста в деревню Березно за городком Кобрином, а уж потом вернуться на базу в Жабинку.

Роман добил усилием воли разбежавшихся по голове водителя «муравьёв» чужих блоков, вернулся в тело.

Возле него стояла Юна с чашкой дымящегося, пахнущего мятой чая.

– Держи.

Он взял чашку, сделал несколько глотков.

– Благодарствую.

– Как прошёл сеанс изгнания дьявола?

Роман улыбнулся на последние слова жены, взялся за телефон.

– Нормально. Посиди тихо. Афоня, твой друг был запрограммирован. Дважды его заставляли отвозить какие-то грузы под Брест, местечко называется Березно, это за Кобрином, есть там такой городок.

– Не может быть! – отозвался удивлённый Вьюгин.

– Надо проверить, что там делается и кем. Просто так водителей фургонов не кодируют.

– Ага, доложу Харитонычу. Он, правда, уезжает завтра, а я сам улетаю в Казахстан...

– Доложи немедленно. И за твоим другом надо обязательно установить наблюдение, поохранять парня. Вполне возможно, его и таких же, как он, водил используют эмиссары Поводырей.

– Ага, понял. Спасибо, Рома, ты настоящий друг!

Связь прервалась.

Юна села напротив мужа. Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Он виновато развёл руками:

– Такой вот необычный случай.

Она качнула головой:

– Ты же знаешь, ничего случайного в этой жизни не бывает. Как говорил папин папа: случай – всего лишь визитка Бога.

– Это не папин папа сказал, а классик.

– Пелевин, что ли? – простодушно сказала девушка.

Роман засмеялся, увлёк её из гостиной в спальню.

– Я рад, что ты много читаешь. К Пелевину у меня особых претензий нет, но, на мой взгляд, до классика ему ещё далеко. Да и не слышно что-то в последнее время. Устраиваемся спать?

– Наверно, поздно уже.

Однако раздеться Роман не успел. Снова мяукнул мобильный телефон. На этот раз о себе напомнил Алтын. То есть Ылтын Юря, бывший разведчик, имевший оперативную кличку Шаман.

– Привет, висв. Надеюсь, не разбудил?

– Рад слышать, – искренне ответил Роман. – Ты не в Выборге случайно?

– Я в Томске, – сказал Алтын. – Хочу предупредить.

Роман подтянулся:

– Что случилось?

– Из Лефортовского СИЗО сбежал Михеев. Это раз.

– Оп-ля!

– Вот именно. Там сейчас идут разборки, как такое могло произойти, но и так понятно, что в Лефортове окопалась агентура АПГ. Второе: из Томской лаборатории исчезло тело Фурсенюка.

Роман замер.

Ылтын помедлил, ожидая реакции друга.

– Что молчишь?

– Думаю.

– Думай, думай, есть о чём. Официальную версию его гибели ты знаешь: бывший министр образования утонул в Байкале во время купания, тело не найдено. А теперь его и в самом деле не найдут.

– Помочь с поисками?

– Пока такого заказа нет, но будь готов. Хотя у тебя будет другое задание.

– Какое?

– В Казахстане решили повторить киргизский эксперимент со сменой власти.

– «Оранжевую революцию»?

– Её правильней называть «революцией свиста». Впрочем, такое происходило не только в Киргизии. После Украины и Киргизии попытки повторить революции предпринимались и в Молдавии, и в Карабахе, и в Туркмении, и в Белоруссии. Харитоныч наверняка предложит тебе помочь казахским друзьям, потому что за спинами организаторов «свиста» стоят Поводыри АПГ.

– Я уже понял.

– Вот я и звоню предупредить: будь осторожен. Эмиссары АПГ заточили на тебя большой зуб.

– Ничего, прорвёмся.

– Вот только обойдись без растопырки пальцев.

– Не ругайся.

– Я знаю, что ты сейчас доволен жизнью. Как и Афанасий, между прочим. Я его встречал недавно, мужик прямо светится от счастья, а это опасно. Поэтому желаю тебе думать и чаще оглядываться.

– Ладно, уговорил. Ты там будешь?

– Не знаю, если пошлют. Будь, жене привет.

– Подожди, ещё один вопрос. Унц... не выкрали?

Роман имел в виду оставленный Поводырём на корабле «Метрополия» автомат защиты, принявший облик альбатроса. После бегства Калкаманова, не успевшего активировать автомат, Волков попытался нейтрализовать унц, и это ему удалось.

– Унц в Москве, в спецлаборатории.

– В-портал?

– В-портал у ребят Тамерлана, они потихоньку изучают эту машинку.

– Попыток выхода в сеть АПГ не делали?

- Не знаю, не интересовался. Пока.
- Роман выключил телефон, посмотрел на жену, медлившую нырнуть под одеяло.
- Ты улетаешь? – слабо улыбнулась она.
- Пока не... – он не закончил, телефон возбудился в третий раз.
- Добрый вечер, Роман Евлампиевич, – родился в трубке густой голос координатора «Триэн». – Хотел попросить тебя навестить одну братскую страну.
- Казахстан, – сказал Роман.
- Алтын, – сказал Олег Харитонович.
- Прошу прощения.
- Всё в порядке, Алтын тебя опекает, это правильно. Поедешь?
- Роман покосился на прижавшуюся к плечу Юну.
- Когда?
- Завтра утром за тобой заедет Королёв, ты его знаешь, он тебя возил по Москве. Привезёт пакет материалов по Казахстану и отвезёт в аэропорт «Пулково».
- Хорошо.
- Я тоже буду в Алма-Аты, поговорим. До связи.
- Роман опустил телефон, хотел повернуть жену к себе лицом, но она прижалась к нему сильнее.
- Мне с тобой нельзя?
- Ты же понимаешь... – начал он, расстраиваясь.
- Понимаю, не переживай. Просто я не могу без тебя жить долго. Максимум – один день.
- Роман невольно улыбнулся.
- Придётся потерпеть.
- Сколько?
- Думаю, дня три-четыре.
- С ума сойти! Завтра улетаешь?
- Так получилось. Я не хотел, настроился на отдых на южных морях.
- Верю.
- Хотел действительно махнуть на недельку на юг или, наоборот, на север.
- Не расстраивайся, мы ещё слетаем на север.
- Он спрятал лицо в её волосах.
- Как здорово, что ты у меня есть!
- А ты у меня, – прошептала она.

* * *

Самолёт приземлился в аэропорту Алма-Аты в четыре часа дня по местному времени.

Как и обещал Олег Харитонович, Романа встретил в аэропорту субтильного телосложения мужичок-казах в полосатом халате, усадил в невзрачную «Нексию» неизвестного века выпуска. Кроме него в кабине «Нексии» обнаружили двое: крупнотелый молодой человек славянской наружности и красивая смуглолицая девушка с раскосыми глазами, которая оказалась проводником гостя из Москвы. У неё была точёная фигурка, и носила она смелую юбочку выше колен, не соответствующую, по мнению Романа, местным обычаям. Однако на улицах Алма-Аты он увидел много таких же условно одетых девчонок и успокоился. Времена изменились, мораль тоже, изменились и обычаи казахов, всё больше откликавшихся на агрессивную моду и масскультуру Запада.

Проводницу звали Зара. Говорила она по-русски безупречно, вежливо и корректно, мгновенно умолкая, если Роман вдруг заговаривал или только собирался что-то сказать.

Молодого человека, представившегося коротко: Павел, – за всё время езды от аэропорта до гостиницы Роман больше не услышал. Он олицетворял собой охрану гостя и не вмешивался в разговоры.

Пока ехали, Зара поведала Роману историю начавшейся «революции свиста», организатором которой являлся лидер клана Есеевых – Баймухамет. Кто стоял за ним, предстояло выяснить уже Волкову.

В пять часов он устроился в гостинице «Советская» в самом центре бывшей столицы Казахстана, недалеко от аэровокзала. Номер на третьем этаже люксом назвать было трудно, тем не менее он Роману понравился чистотой и уютом.

– Если хотите, я проведу вас по улицам, – предложила Зара. – У нас много парков, памятников и красивых мест.

– Благодарю, в другой раз, – отказался Роман, вспомнив, каким он увидел город с высоты: Алма-Аты была накрыта желтовато-серой шапкой смога. – Мне надо сосредоточиться и побыть одному. Где предполагается выступление президента?

– В Государственном академическом русском театре драмы имени Лермонтова и на стадионе «Медео».

– На стадионе? – удивился Роман. – Насколько я знаю, это каток.

– Его недавно отремонтировали, сделали купол над чашей, но ещё не заливали.

– Тогда понятно.

– Могу сопроводить вас в Чимбулак, это рядом с «Медео».

– Позже.

– Хорошо, я буду на связи, звоните, если понадобится.

Роман остался один.

Побродив по номеру, глянул на город из окна: желтоватая дымка продолжала висеть над домами куполом, – он в конце концов сел за ноут и стал изучать информацию по столице Казахстана. Хотелось приступить к работе со знанием местности и её достопримечательностей.

Однако чтение не вдохновило на подвиги. История создания столицы Казахской республики оказалась достаточно стандартной.

В позднее Средневековье на её месте у подножия Заилийского Алатау существовала небольшая стоянка тюркских и монгольских кочевников – Алматы. Городом под названием Алматы – яблонево́й, в переводе с казахского, она стала с тысяча восемьсот пятьдесят четвёртого года, построенная на месте военного укрепления Заилийское. С тысяча девятьсот двадцать первого года город стал называться Алма-Атой, претерпев множество назначений: от столицы Казахской АССР до столицы Республики Казахстан. От Москвы её отделяло расстояние в четыре тысячи километров, поэтому самолёту требовалось больше четырёх часов полёта на преодоление этого пути. Впрочем, сверхзвуковые самолёты долетали до Алматы и за два часа.

Гораздо больше Романа заинтересовало ущелье Чимбулак и собственно стадион «Медео», где должен был выступить перед народом нынешний президент Казахстана. Если кто и задумывал устроить «свист» – восстание или террористический акт во время его выступления, то лучшее место найти было трудно. В театре тоже можно было поднять «волну народного гнева», а уж тем более спрятать взрывное устройство, но театр наверняка хорошо охранялся, и перед речью президента его должны были проверить не раз, что вполне могло остановить террористов. Тем более что существовали новейшие приборы на основе нанотехнологий, способные определить наличие взрывчатки всего по десятку молекул. Поэтому стадион подходил для акции гораздо больше.

Для начала Роман просканировал сам стадион через психоматрицу астрала, имея перед собой фотографии Чимбулакского ущелья и собственно катка. Обнаружил рассыпанные по территории стадиона «чёрные дыры», не просматриваемые в пси-диапазоне. Сходил в гости-

ничный ресторан, отметив *движение* приданных ему телохранителей. Позвонил Заре и попросил устроить экскурсию на «Медео».

– Когда? – спросила девушка.

– Через час, – ответил Роман, снова уединяясь в номере.

Какое-то время он просматривал фотографии клана Есеевых, претендующих на царствование, просканировал главных действующих лиц – Теймураза и Баймухамета, и сразу понял, что оба зомбированы. Защищали их мыслесферы прочные «зеркальные короны» наведённых биополей, и пробиться сквозь них без подготовки было трудно. Роман не рискнул это сделать, понимая, что может выдать себя, не рассчитав соответствующие меры безопасности.

Тогда он начал обследовать окружение братьев, имеющее отличную организацию и подчинявшееся вожакам негосударственных спецслужб, прикрывающих деятельность «свистящего» подполья. Выделил троих: Сидоренко, Бекшеналиева и Нургалиева, командующих отдельными «батальонами» поддержки. Сидоренко в этой троице казахом не был, но являлся очень опасным человеком, будучи сотрудником казахского Комитета государственной безопасности. Он всегда знал, кто сопровождает президента и где тот будет выступать.

Роман позвонил Малахову, сообщил о своих выводах.

– «Медео»? – переспросил Олег Харитонович. – Там в две тысячи одиннадцатом проводили седьмые зимние Азиатские игры.

– Комплекс заново реконструирован, но ещё не запущен. Потoki внимания со стороны «свистунов» тянутся к Чимбулаку и непосредственно к стадиону. Могу назвать тех, кто занимается организацией акции.

Малахов помолчал.

– Их возьмут местные ребята, мы вмешиваться не станем. Главное – заказчик.

– Он заблокирован, а это означает, что его охраняют на всех уровнях.

– Ты имеешь в виду Баймухамета Есеева? Не трогай его. За его спиной стоит местный Поводырь. Приеду, обговорим, как с ним работать.

– Атаковать надо!

– Что это ты такой агрессивный сегодня? Али городской смог так влияет?

Роман понял, что Олег Харитонович уже находится в Алматы.

– Смог здесь действительно мощный, хуже, чем в Москве. Недаром Алма-Ату называют одним из самых грязных городов мира.

– С атакой повременим, Поводыря вычислить надо. У нас ещё сутки, так что не спеши. Кстати, если уверен, что акция намечена на «Медео», не лучше ли тебе переехать в Чимбулак? Зара тебя поселит.

Роман подумал.

– Да, перееду.

– Как она тебе?

– В смысле?

– Красивая? Или не понравилась?

Роман вспомнил милую, с грустинкой, улыбку Юны.

– Мне нравится моя жена.

– Это хорошо. Просто Зара – дочь Захариин.

– Тамерлана? – пробормотал Роман. – А Шехерезада?

– Шехерезада тоже дочь, но от другой жены. Так получилось. До связи, экзор, будь внимательней, пожалуйста. В дальнейшем будем держать связь через неяслух.

Голос Малахова растворился в трубке.

Роман посидел немного, размышляя над событийной стороной жизни координаторов «Триэн»: оказывается, ничто человеческое не чуждо и им, и у них случаются разные браки и разные дети, – потом позвонил Заре:

– Переезжаем в Чимбулак.

– Хорошо, Роман Евлампиевич, – ничуть не удивилась его решению дочка Тамерлана.

Роман собрал вещи, оглядел комнату, не успевшую стать «родной», и ему показалось, что зеркало в крохотной прихожей номера внимательно посмотрело на него.

6

Горнолыжный курорт «Чимбулак», расположенный в одноимённом ущелье на склонах Заилийского Алатау, понравился Роману с первого взгляда.

Построенный в тысяча девятьсот пятьдесят четвёртом году как спортивная база и трижды реконструированный, окружённый сверкающими под лучами солнца снежными склонами и вечнозелёными тянь-шаньскими елями, он производил впечатление ультрасовременной здравницы с новейшими постройками из стали и стекла, каковой, собственно, и был со времён проведённых здесь зимних Азиатских игр в две тысячи одиннадцатом году.

Ещё до Игр от Чимбулака до «Медео» была построена гондольная канатная дорога длиной четыре с половиной километра, гостиничный комплекс на четыреста мест, СПА-центр, ресторан и бутики, а после того, как заработали канатная дорога до Талгарского перевала, лыжная трасса до ледника Карлытау и школа горнолыжного спорта и сноуборда, а также подземный паркинг на две тысячи машин, комплекс вошёл в десятку крупнейших мировых горнолыжных курортов.

Гостиница тоже понравилась Роману. Ему достался отличный номер на пятом этаже с видом на гору Школьник, самую высокую в местном горном ландшафте, и он с час любовался пейзажем на лоджии, вдыхая чистейший горный воздух и подставив лицо лучам заходящего солнца.

Здесь вполне можно было загорать, так как температура воздуха в ущелье даже осенью не опускалась ниже семнадцати градусов, а нынче и вовсе держалась на уровне двадцати четырёх.

Зара оказалась хорошим гидом. Она знала не только историю создания Чимбулакского курорта и стадиона «Медео», но и историю края, чем поделилась с московским гостем после того, как он устроился на новом месте под именем Ивана Савельевича Зотича, белоруса из Гомеля, и созрел для ужина.

Роман слушал и сканировал урочище, рассеянно поглядывая на тёмно-зелёные ели и скальные выступы на склонах ущелья. Он уже проникся жизнерадостной атмосферой комплекса и определил его «чёрные дыры», просмотреть которые с первого раза не удалось. То ли они торчали в складках местности, отражающих пси-поля, то ли были накрыты вуалью *непрогляда*, создаваемой аппаратурой эмиссаров АПГ или непосредственно штатными «колдунами» Поводырей.

В гостинице было людно.

Во-первых, комплекс работал круглогодично, и любителей покататься летом-осенью на горных лыжах хватало. Во-вторых, на завтра намечался приезд на «Медео» президента, и по территории Чимбулака рыскали ищейки президентской службы безопасности. Если бы не сотрудники «Триэн», опекавшие Романа (всего он насчитал пять человек), его наверняка проверили бы на предмет «чего ты тут делаешь?». Однако среди опекунов числились и работники казахского КГБ, поэтому «новенького» туриста не тронули ни разу.

Впрочем, он и сам не особенно высовывался, лишь один раз побродив с Зарой по окрестностям курорта и поднявшись по канатной дороге до ледника Карлытау. После чего снова уединился в номере и приступил к «просвечиванию» комплекса.

Он, конечно, мог «отвести глаза» любому, кто попробовал бы им заинтересоваться, так что никто и не заметил бы экзора, куда бы он ни направлялся, однако Олег Харитонович не одобрил бы демонстрации пси-операторских способностей, и Роман вёл себя как обычный турист. Зато слушал «местный» астрал и ловил тонкие паутинки-лучики намерений, по которым вполне можно было определить готовящуюся на следующий день акцию «народного неповиновения», в результате которой президент должен был сам сложить с себя полномочия главы республики.

В начале десятого проявил себя Малахов. Его характерный мысленный – с басовитыми интонациями – голос родился в голове Романа под тихий струнный звон.

«Роман Евлампиевич, как дела?»

«Отдыхаю, – ответил Роман, ждавший этого вызова. – Вы где?»

«В Чимбулаке. Предлагаю встретиться у тебя в номере, минут через двадцать, если не возражаешь».

«Жду».

Роман набрал воды в чайник, вскипятил, заварил чай.

Олег Харитонович пришёл, как и обещал, через двадцать минут. Оглядел комнату, взял в руки чашку с налитым чаем, сел на диван.

– Хороший номер. Не заметил подозрительного внимания?

– К «Медео» тянутся...

– Не к стадиону, к себе лично.

Роман сбился, помолчал, собираясь с мыслями.

– Пока всё в пределах обыденного. Меня сопровождают пять человек, беспокоиться нечего.

– Ты их вычислил?

– На всякий случай, – смутился Роман.

– Это должно войти в норму. Местный Поводырь тебя не знает, но все деятели АПГ должны были получить инструкцию по усилению мер противодействия русскому экзору, а это означает, что и здесь следует ожидать какой-то их реакции.

– Я готов.

– Хочется в это верить. В любом случае мы будем рядом, можешь опереться на наш эгрегор. Теперь давай пройдемся по личностям.

Роман перечислил людей, которых успел мысленно просканировать и оценить. Все они были «инфицированы» «вирусом» внедрённых программ и составляли ядро влияния Поводырей на казахский социум. Семеро из них в настоящий момент находились в Чимбулаке. Однако главного Роман пока не знал: кто является Поводырем Казахстана.

– Баймухамет Есеев, – повторил Олег Харитонович задумчиво. – Не тянет он на Поводыря, не тот калибр, несмотря на президентские амбиции.

– Он – нет, – согласился Роман. – Энергетика слабая, да и биокаркас деформирован.

– Кто же у них Поводырь?

– Здесь его нет. Но я могу попробовать проследить связи Баймухамета.

– Очень осторожно, на уровне неслышного ветерка, так, чтобы его сторожа не заметили. Для нас это сегодня не главное, наша задача – сорвать замысел «свистунов». Что у тебя есть? Я имею в виду конкретику замысла. Что планируется?

– Взрыва не будет.

– Так.

– Настоящего взрыва, на физическом плане. Готовится акция «свиста» с масштабной энергетикой. Толпа народа должна активизироваться до такой степени, что ей удастся снести ограждение, охрану и расправиться с «узурпатором». К тому же будет подключена западная экстраформация.

Малахов с интересом посмотрел на Романа.

– Это тебе сам Баймухамет Есеев рассказал?

Роман посмотрел на собеседника непонимающе.

– Есеев? Нет. А, вот вы о чём... я могу даже указать, где будут находиться инициаторы пси-поля, активизирующие толпу.

– Звучит интригующе. Они, что же, привезут какую-то пси-аппаратуру?

– Я думаю, это будут живые люди, используемые в качестве пси-трансляторов и пси-усилителей.

– Вполне может быть, эксперименты с такими группами уже велись в Украине, в Киргизии и Белоруссии. Кстати, мы заметили некоторое оживление в окрестностях Чимбулака, ещё вчера сюда начали съезжаться молодые парни определённой социальной группы.

– Вы взяли с собой экстрасенсов?

– Здесь Афанасий со своей группой.

Роман посмотрел на Малахова недоверчиво.

– Странно, я его не почувял.

– Он сидит на «Медео».

– Понятно, стадион я ещё не просматривал, собирался сделать это завтра утром.

– Можешь позвонить ему, договориться о взаимодействии. Его орлы определили наличие на стадионе негативных «ям», интересно будет сравнить с твоей оценкой.

– Хорошо, сделаю.

Олег Харитонович допил чай, поднялся.

– Мне не нравится, что ты слишком спокоен. Понимаю, что во время операции нельзя учить человека, уверенного в своих силах, как себя вести. Но если Поводыри найдут тебя здесь...

– Я понимаю, – пробормотал Роман.

– Поэтому не рискуй, – закончил координатор «Триэн», разглядывая порозовевшее лицо Волкова с каким-то странным сомнением во взоре.

– Не нашли Михеева? – спросил Роман, переживая неприятное ощущение недосказанности в разговоре.

– Нет.

– А тело Фурсенюка?

– Нет.

– Это же не иголка.

– Вернёшься, поможешь искать. – Малахов вышел.

Роман хотел было «догнать» Малахова «щупальцем» мыслеволи, прочитав его мысли, но удержался от соблазна. Хотя недосказанность в словах Олега Харитоновича была очевидной. То ли он хотел предупредить о чём-то, то ли ещё раз напомнить об осторожности, то ли высказаться о самоуверенности ученика, но так и не сказал ничего.

– Говорил бы прямо! – проговорил Роман вслух. – Решай теперь, что я делаю не так.

Он вспомнил об Афоне, набрал номер полковника.

Афанасий ответил после минутной паузы:

– Рома, ты?

– Я в Чимбулаке.

– Знаю уже, Алтын предупредил. Я хотел сам тебе звонить, да замотался. Нашёл что-нибудь?

– А вы? – вопросом на вопрос ответил Роман.

Вьюгин хмыкнул:

– Я первый спросил. Впрочем, ради пользы дела можем обменяться информацией. Через полчаса подъеду.

– Давай лучше я подъеду, размяться хочу, да и взглянуть на стадион вблизи.

– Ты не должен рисковать.

– Если следовать твоей логике, меня вообще здесь не должно быть. Успокойся, я ничем не рискую, у меня сопровождение.

– Ты в курсе, что Михеев...

– В курсе, потом поговорим.

– Ладно, жду. Здесь на Медео есть гостиница...

– Найду.

Роман переоделся, набросил на плечи лёгкую куртку на кнопках, заколебался, размышляя, предупредить Зару или нет, решил не беспокоить. Однако она сама подошла к нему, когда он выходил из холла гостиницы. Скорее всего девушка жила здесь же, а может быть, и работала, он не интересовался, а вышла, когда получила сигнал от охранников москвича.

– Роман Евлампиевич, что-то случилось?

– Ничего не случилось, – сказал он, пряча поглубже вздох сожаления. – Хочу прокатиться на канатке до Медео.

– Она работает с восьми утра до семи вечера.

– Мне надо в гостиницу «Медео».

– Я не рекомендую вам ехать туда так поздно.

– А что, у вас здесь криминальная обстановка? – полюбопытствовал он.

– Не криминальная, но молодёжь гуляет без ограничений.

– У вас большой опыт, – кивнул он, намекая на возраст собеседницы.

Зара не обиделась.

– Молодёжь везде гуляет без ограничений, в том числе и у вас в Москве.

– Это правда, – согласился он. – И всё же мне нужно попасть в Медео.

– Сейчас я вызову машину.

– Хорошо.

Зара отошла на минуту и вернулась со знакомым стариком-казахом, одетым на сей раз в обычный гражданский костюм. За ними следовал короткостриженный молодой человек, в котором Роман признал своего телохранителя.

– Он поедет с нами.

Роман хотел отказаться от сопровождения, но Зара твёрдо воспротивилась его желанию:

– Мы отвечаем за вас! Не дай бог что случится, с нас спросят по полной программе!

Пришлось подчиниться.

От светящейся глыбы хрусталя, какой гостиница «Чимбулак» казалась со стороны вечером, до почти такой же по размерам глыбы, но поскромней, ехали на той же выдавшей виды «Нексии», на которой Романа везли в Алма-Ату из аэропорта. Он с интересом глазел по сторонам, удивляясь хорошей освещённой дороге и множеству ещё работающих магазинчиков и кафе.

Дорога длиной около пяти километров заняла всего несколько минут.

– Ждите в машине, – остановил Роман попытку Зары и охранника высадиться вслед за ним. – Не волнуйтесь, я контролирую ситуацию.

Зара и молодой человек переглянулись.

– У нас есть... – начала девушка.

Роман *вспыхнул*... и исчез! Для сопровождающих. Увидеть его в этом состоянии «невидимки» теперь мог только сильный экстрасенс.

Спутники оторопело усталились на сиденье, где он только что сидел, перевели взгляды на открывшуюся и закрывшуюся дверцу «Нексии».

Роман сделал шуточный реверанс в их сторону, который всё равно никто не увидел, направился ко входу в гостиницу «Медео», обходя веселящуюся молодёжную компанию. Молодые парни и девушки были в красно-зелёных спортивных костюмах, и Роман сначала подумал, что это спортсмены. Потом просканировал накрывавшее компанию облако пси-взаимодействия и понял, что у гостиницы собрались скорее всего сотрудники местных спецслужб, призванные негласно контролировать территорию перед и во время визита президента.

В холле, украшенном лепниной, старинными светильниками и люстрами, также толпился разношёрстный народ, преимущественно молодой. Да оно было и понятно, поскольку катание с гор старикам и пожилым людям вряд ли доставляло удовольствие.

Роман, по-прежнему не замечаемый никем благодаря накинута «шапке-невидимке отвода глаз», вычислил номер Афанасия, поднялся на третий этаж.

Что-то остановило его на лестнице.

Он прислушался к своим ощущениям.

Коридор третьего этажа был наполнен *ожиданием*. Кто бы ни шёл по нему, попадал в поле зрения неизвестного наблюдателя, а это означало, что наблюдатель знал об истинной цели пребывания жильцов гостиницы из Москвы. Даже если они были записаны здесь не под своими фамилиями.

Конечно, можно было попытаться отвести глаза и ему, но он, вероятно, использовал спец аппаратуру, и Роман решил не рисковать, боясь насторожить секретную систему.

Он вернулся к машине, возле которой курил его местный телохранитель.

Зара кинулась к нему с облегчением.

– Всё?!

– Нет, сейчас подойдёт человек, я с ним переговорю. И мне нужно побыть одному.

Казах-водитель по знаку девушки вылез из машины.

Роман сел на сиденье рядом с водительским, прикидывая, стоит ли звонить Афанасию и делиться своими умозаключениями. Потом его осенило.

Он настроился на восприятие ауры полковника, вычленил её из сотен аур постояльцев гостиницы, дотронулся мысленным «нервом» до переливчатого эфемерного «цветка лотоса» с тонким «запахом» Вьюгина.

«Лотос» заволновался, испуская вуальки света.

В голове Романа протаял тонкий голосок:

«Эй, кто стучится, чёрт побери?»

«Я», – лаконично отозвался Роман.

«Рома?» – неуверенно определил внутренний «мыслежитель» Вьюгина.

«Спустись к машине, Афоня, жду тебя в серой «Нексии» перед отелем. Будь осторожен, оглядывайся, за тобой следят».

«Кто?!»

«Поговорим». – Роман вытащил свой «нерв» из сферы сознания Афанасия, выглянул в окошко, позвал: – Зара.

Девушка подошла.

– Посмотрите за «хвостом» человека, который подойдёт ко мне. Если можно – попробуйте снять «хвост» или хотя бы выяснить, кто следит.

– Хорошо.

Афанасий появился в дверях центрального входа через пять минут, одетый в серые холщовые штаны и белую футболку с изображением горного орла на груди. Оглядев площадь перед гостиницей, двинулся к «Нексии», опустил на корточки, пройдя пять шагов, будто бы завязывая шнурки на кроссовках.

За ним выглянул неприметного вида молодой человек в комбинезончике работника отеля, стал следить за Афанасием. И тотчас же к нему подошли двое парней в спортивных костюмах, начали что-то толковать, закрыв спинами Вьюгина. Служитель отвлёкся, отвечая на вопросы, а когда его оставили в покое, завертел головой, высматривая Афанасия, который уже сидел в «Нексии».

– Привет! – сунул он руку Роману.

– Видишь? – кивнул тот на занервничавшего служителя отеля. – Тебя «пасут».

– Не поверил бы, если бы ты не предупредил, – огрызнулся полковник, помолчал, разглядывая парня в комбинезоне. – Хотя я его где-то видел.

– Я не смог подняться к тебе в номер, коридор просматривается. Они знают, кто ты и что тут делаешь.

– Чекисты?

– Вряд ли, скорее всего это агентура Поводырей. Жди провокаций. Они запросто могут поднять кипеж, выдать тебя местным службам и заявить о «руке Москвы».

Афанасий помрачнел.

– Об этом мы не подумали. Может случиться и такое. А мы ещё не нашли главных «сви-стунов».

– Я знаю, кто готовит акцию из казахского руководства, но не могу подобраться к Поводырю.

– Да чёрт с ним, удалось бы сорвать операцию! Мы обнаружили четыре-пять строений на самом стадионе и вокруг него, где сидят около двух сотен съехавшихся вчера парней. Зачем – не понимаем. Они что, хотят устроить заваруху со стрельбой? Восстание? Маловероятно, вроде бы не вооружены.

– Их замысел хитрее. Эти люди – трансляторы и усилители психополя. Во время выступления президента Поводырь на базе экстраформации попытается с их помощью мысленно подчинить людей на стадионе, чтобы толпа выразила «народный гнев» и ликвидировала главу государства. После чего Баймухамет Есеев и сунется во власть на законных основаниях.

– Твою мать! – дёрнул себя за вихор изумлённый Вьюгин. – План поистине дьявольский! Вот для чего сюда согнали конкретных пацанов: они создадут местную экстраформацию! Так, может быть, Баймухамет и есть Поводырь?

– Нет, пожалуй, – покачал головой Роман. – Но он закрыт наглухо, а я не могу его просканировать. Вдруг учует попытку считывания и поменяет план. Но тебя и твою группу они наверняка отслеживают и ждут момента, чтобы сдать официальным властям.

– Что же нам делать?

– Уезжать, пока не поздно, прямо сейчас. Сколько с тобой людей?

– Четверо, все тебе знакомы: Крист, Зюма, Джокер и Петя... и Эдик Шаймиев. Ты думаешь, всё настолько серьёзно?

– Чую.

– Плохо, надо звонить Харитонычу.

– Звони.

– А ты как?

– Я вне подозрений, – улыбнулся Роман. – Пока. Живу на Чимбулаке, люблюсь окрестностями, собираюсь кататься на лыжах.

– Как же ты вычислишь Поводыря?

– Думаю.

– Слушай-ка, – встрепнулся Афанасий, потёр лоб, – идея пришла... Что, если ты попробуешь копнуть Есеева через нас? Мы всё равно «засветились», так и хрен с ними, ты спрячешься за нас. И мы сразу уедем.

Роман задумался. Идея была хорошая, он уже «прятался» от преследующих его «мыслешупалец» Поводырей во время прошлых стычек. Но тогда он никем не рисковал, никого не подставлял. Справятся ли «нюхачи» Афанасия с атакой, если она последует?

– Ребята поймут, – оценил его мимику Вьюгин. – Пойду спрошу.

– Подожди. – Роман выглянул в окошко кабины.

К служителю в комбинезоне в этот момент снова подошли «спортсмены». Что они сделали, можно было только догадываться, настолько быстро всё произошло. Парень вдруг начал оседать, его подхватили под руки, втолкнули в подъехавший мини-фургон «Рено», который

тут же резво рванул прочь. «Спортсмены» как ни в чём не бывало закурили, не глядя вслед машине, кому-то помахали руками и не спеша двинулись вдоль фасада гостиницы к СПА-центру.

– Теперь иди, – милостиво разрешил Роман, подивившись чёткому исполнению чьего-то приказа – обезвредить наблюдателя. – Через десять минут я выйду в эфир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.